

Мезория нем. литературы XVIII века и начала XIX.

особенную роль распространению католицизма. С этой целью отправился отец в Рим, где сделал одним из первых самых первых пропагандистов манускрипта. Но, зная отец жил во Франкфурте, в Мюнхене и умер в Амстаффенбурге (в 1842 г.) полусемьдесят лет в доме своего младшего брата, который был, впрочем, с его женой, издавателем его сочинений.¹⁾

Будучи студентом в Денте, Бренцано написал нем. сколько лучших своих баллад и в зрелом возрасте знаменитую «Моралей» (см. переводы у Герделя: Нем. поэты).²⁾ В наказе Бренцано выринулись с недоброй кривизной: «Sanktiani und dertiffra Sejula von Maria» (Саксия и поэты, серия заглавия Мария, Амст. 1802.), а через год под псевдонимом издал роман: «Godwi oder das Fraimonts Bild des Klittas. Ein romantisches Roman von Maria» («Годви или каменное изображение маури», 1801.); в нем отец, как фр. Шлегель в Мюнхене, переска, забавляя своего любовника историей с гузною женщиной, довольно известной императрицей Софией Мери, ^(какая у нее звание?) которая вскоре после этого развелась с мужем и вышла замуж за Бренцано; но умерла родила при первом ребенке. После довольно продолжительного отсутствия, ванин, Бренцано поселился в Гейдесберге, где близко сошелся с Акимом фон-Арнимом и издал вконец с ним «Des Knaben Wunderhorn. Achte deutsche Lieder» («Волшебный рог мальчика» — выдержка изобразительная, чика, издана в 1806 г., в 3-х частях), довольно, но обширный сборник немецких народных песен, сего. Этим же сборником далеко не удовлетворяется современными научными требованиями, так как

¹⁾ Полное собрание изд. в 1851-55 г. См. его следующее характеристическое у Тейне: Romantische Schule. Lyriker Biographien Diels und Kraitsir: Stemens Artenano, ein Lebensbild 2. Bd. Frankf. 1872-1873.

Зекеры в пельм подправлены; но издавали и много в виду не грешить, а болшею публику, в которой ждали про будице и учереет въ народной пьески, и зтой цитки до, сзигли вполнью: закнмъ образомъ неполнилась завязка над перта Гердера; „Волшебный рогъ магвсика“ везд, повилмь многихъ мѣстеческихъ поэтовъ, и издученно въ, меккой народности открыли широкія переизкувы.

Въ 1804 г. Френзано написалъ драму „Ronce de Lion“
Въ 1809 г. онъ поселился в деревнѣ и въ сльдующемъ году издалъ „Romanzen vom Rosenkranz“ (, Романсы о розовомъ вѣнчикѣ“, 1808-11), родъ аллегорическаго рома, на, гдѣ ограниченное и самодовольное человетское понузаніе (олицетворенное въ лице доктора Апоки, руководимаго герцога Колесомъ) прозвучнолагаетъ

*) Какъ Гердеръ до, такъ въ своидь испан, скнмъ романсая о „Сидѣ“ до эпохи въ пс, нль, жакъ это слово, Эдмундъ и Френзано, въ своидь грандозное задучиваннвѣ, но не оконченинвѣ роман, сая: „Rosenkranz“.

7) Viktorias und Fra Ja. Hranz mit Finzraden. Ein Roman mit dem Titel Das Lichte (Викторія и ея брѣя и ея оура съ перукии знаме, нами и горлицини фризалин);

8) Френзано возводно, билъ романъ Фора Вискрама.

миру вѣры и любви. Романъ не оконченъ. Прозивая въ Богеміи, Френзано надумалъ несторическую драму изъ ея исторіи: „Die Gründung Prags“ (, Основаніе Праги“, 1815 г.); тема ея: бракъ славянскаго Amazonки Любуши и Кшесмысловъ; какъ драма, эта пьеса инакѣзъ оград, все недоудачки: въ ней всего одного характера; ея оу, дѣлнвая сцена поодо елзрнмъ между собой и далеко не все удачны; но оу не ваетъ душою етѣдой древности, и она оека важна для исторіи развизія славянскаго самознанія. Въ 1817 г. вышли повтѣси: 7) „Das Goldbraten“ (Золотад муръ, по Вискрану, кейдерзми, геру XVI столѣтїа, умертаго между 1557 и 1562 гг.), „Die Hranz“ (исторія карм Вискранъ Каспаръ и ея Нранъ Аппелъ (, исторія о Храдромъ Каспаръ и прекрасной Аппелъ) и „Die Hranz“ (Викторія и ея брѣя и ея оура съ перукии знаме, нами и горлицини фризалин). 8) Мухмад, меккѣ

9) Это - сармад мурочная повтѣси Френзано.

Лора Лей (Претсман).

1. На Рейне, въ Трахараде
Волшебница жила,
Красой своей чудесной
Сердца къ себѣ влекла —
2. И многого погубила.
Ужъ моды стезей
Мельздр. зомы уно было,
Кю разъ увлекся ей.
3. Призвали ее эпистолю.
Она думала осудитъ,
Но сама красой пленится
И долгие дни просидитъ.
4. Разорванный, она молвила:
— Бродившица, не гонитъ:
Кю колдобаръ засрабилъ
Тедя? Анк повинитъ.
5. „Орца свѣдой, позадъ
У васъ а не проину!
Анк синзъ не въ синзъ: собого
Я гудеть приноину.
6. „Глаза мои кама плакд,
И жгуць сердца людей,
Сознизе не скорое
Колдобина Лору Лей!“
7. — Нюрь, Лора, не могу я
Тедя на сверхъ обрел.
Скати: какъ ты сучьела
Анк въ сердце сраеръ зашелъ?
8. — Казниръ редъ нюрь силе,
Красавица моды:
Вредъ вт-аеръ съ зриве сердце
Свое разбила бы я.
9. „Орца свѣдой, не ствѣйхес
Надъ бродной сирозой,
Монше лучше Бога,
Ктодъ даль она Анк покой.

10. „ Не мигд уотъ мнѣ на свѣтѣ,
Никого мнѣ здѣсь не мнѣ,
Многихъ пришла о чертѣ,
Турноу не ехало ема.

11. „ Обмануа я зругомъ:
Покинуль ома мѣня,
Утодалъ на чужбину
Во далекіе края.

12. „ Рудивилель, дѣлузного
И прелесерго огеи,
Да кроужини ругаки
Прелесцаго я мѣдай.

13. „ А мнѣ самой не легче:
Дума мой болуза;
Краси мой дмеханъе
Мнѣ сердце неденуа.

14. „ Дозволеае Христіанской
Покинуае зѣтѣмъ ^{авраа!} ~~мѣня~~
На что мнѣ омури дѣлѣа?
Его со много мѣра!

15. Траае рыцарей епископъ
Зовеае и мнѣ велиае
Свѣрзи ея во обдуае,
А сама ея говоруае:

16. Моиса Богу, мѣра,
Во обдуае свѣдѣа,
Черницаго говорѣа
Свершиае свѣи мѣра земноа.

17. Воае рыцари вѣтѣ зрое
Садаае на коней
И идутъ; съ нами рабаае
Красоаа мѣра мѣа.

18. „ О рыцари! дозволеае
На зѣра зѣрае вѣдѣааае,
Чтоо мѣлаао мнѣ заааае
Оуааае увидаае.

19. „ И съ Рейноае попроааае;
А зааае я удалѣае
Во обдуае, гдѣ черницаа
Оае мѣра еаорѣае.

20. Уаеае зѣраае и мѣраае
И гладоае какъ еаааа;
Но легче серѣаи дѣааа
Вѣдѣааае вѣрѣае она.

21. Тѣааае вѣрѣае и мѣлааааа:
„ Воае лѣдоааа мѣрааа,
А во зѣаа лѣдоаае вѣааа,
Мѣа мѣлааа зѣраае сааааа.

22. „ О, сердце какъ заблѣае!
И мнѣ мнѣ вѣае краааа!
И съ зѣраае словоае во вѣаау
Вѣрааае бросѣаае она.

— Дѣа.

по разлагательству о кровавой сердце Гисея и форму
подобности мизическимъ Бредидель. Такими же обра-
зами направлениемъ озлучающей его патристическя
и народная поэзии. Правда, Брензано владеть велики
средствами народного поэзия, но все-таки у него не было
находившей общности съ публикой, такъ что въ большой
кружъ читателей его поэзии не прошились.

Другъ и родственникъ Клеменса Брензано Людвигъ
1781—1831. Адилъ (у-е. Фадиль) фронч. Аримъ (Anim) молодой
его на 3 года: онъ родился въ 17812. въ Берлинъ и
былъ аристократомъ какъ по рождению, такъ и по воспитанью,
также и манерамъ; изучалъ естественныя науки въ
Бамле и Гейзлинге, походилъ сзраняховалъ по Германіи,
собирая народныя поэзии и легенды. Въ 1806—11 онъ
жилъ въ Гейденберге въ дружескыя отношенія къ
Клеменсу Брензано и тамъ женился на сестрѣ
Брензано — Гейзлинге въ 18112. Въ это время онъ
жилъ хо въ Берлинъ, хо въ деревнѣ въ своемъ имѣніи
Вилердорфъ и близко принималъ къ сердцу общесствен-
ная жизнь; его сзражающа оу природы наука про-
тивалас патристическя, почти шестнадцатый. Позже
оказывающа оу Бога, — говорю онъ, — хо оказывающа
оу мученія враговъ родины. После освобожденія
Германіи онъ продолжалъ жить независимымъ по-
мощникомъ и умеръ оу нервнаго удара въ 18312.

Какъ уже сказано, Аримъ много занимался естествен-
ными науками и уже 19 ильхъ выступилъ въ печати
съ книгой, Теорія Электрическыя Явленія (Halle 1799).
Онъ много путешествовалъ по Германіи и хорошо позна-
комился съ народомъ, въ особенности съ его поэзіями. А.

срочь. Арника печально и гнетливо воспела ирусский поразнений. у Арника редко безразличен срикозворение, выдержанное в зомь, не испорченное капризомъ, неупотребной игрой слова, прозаическими оборотами, неведомости или видико назанузой ричной. Но оны возмилити счастье было касет приключитиъ высокопарный зомь не, палекаго романа къ комическимъ предметамъ. X

Али. въ срочь Арника однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и умныхъ, но въ то же время однимъ изъ самыхъ суровыхъ людей Германии XIX вѣка и однимъ изъ самыхъ разностныхъ выразителей немецкаго романтизма. По выражению французскаго критика, для него реальное серж зомько казнузеея и сущеевучер зомько какъ символъ сверхъестественнаго. Для него миръ серж зомь сукмасидмихъ, и въ прозивуположенносъ классикамъ (въ современномъ значеніи этого слова): Мекенуру, Ковсеру и др., которые изображаютъ человека въ его лучшемъ видѣ, они всего олохны воспроизводятъ его въ болѣзни, безуміи, галлюцинированіи, кошмарахъ, озоро и увлекшіи, ея швъ чизаея губервучер себя какъ бы въ соединеніи бо, измѣннаго кошмара. Французъ его озмгаеяя необходимо, венмихъ богачевоми и способна единичнъ заки сурани, нидя фигури и положенія, какія не естимисъ и воехоку: балитри, озмивающій кукла, люди безъ сердца (Бухвалско), человекобразная разженія и лезучія мими, живые зру, ны, озкритые черезъ себя лау, чудотвореннае запади, двѣтвѣ и зройсвѣя неподобимыя половѣя влеченія, не, громанзи и волшебники обонды половѣ и вселѣ ро, довь, неперые духи вселѣ видовѣ и пр., и пр. Впечатленіе, производимое этой французской зомь силонны, то она

обязано, это — «театр маринеров и китайских франков, в котором одинаково двоятся и шумный поэт» (См. Взаге де Вилу т. с.). Кю Армику можно приписать слова его сие суждение «Синна» (Прилозь-Камризь):

Ein Vögelchen denn wenn ich's
 Und wofür dich fühlst dich
 Ich fühlst du: dich wofür ich fühlst.

(Синналь духи подерже океановъ поэти и продибаетъ дорогу черезъ скалы, но когда его окружаетъ шумомъ, отъ кубебуежь, что его сила только мекта). Событийный ирреалистический и драматический произведения его довольно слабы, но они имеютъ чистоту, какъ романсы.

Его романы мы уже коснулись. Темпера, какъ изложилъ вкратце содержание двухъ его наиболее изысканныхъ повестей, в которыхъ кубебуежь похорода земли и задумчивость, и которые не в примеръ прочимъ океан, киваюся счастливо; тутъ лишь первая, также в виде не, ключенія, не имаетъ въ себѣ ничего французскаго, а во второй французское подерже буре обидеено себе, естественны пуха.

1) «Fürst Gungott und Vögelchen Halvdott» (Князь Гунг, гору-весе-ночь и пвевце Галвдотт — полу-ночь). Талантливый оперный пвевце, сына довольно легковерной изаблянки, позорно окисданъ публично за то, что потерялъ голосъ; а потеряла она его потому, что мать обидла его когда молодой вадой, когда она, чтобы издаться отъ ея речивой мекшей, замкнула комкомъ. Пвевце ирдио изъ театра в костюмъ со звездами ушелъ пешкомъ изъ города и къ ночи очутился в Карлсбадѣ, уезжая до по,

счастливой возможности. Они владели в лучшей оубе, где,
 по его удивлению, все почтительно кланялось ему и
 называли его ^{Вата} «Столосер». Они с анжерою пообещали,
 выпить шампанского и были жаренеевременно оубедены
 в роскошную спальню. Эдва успели они заснуть, как
 его разбудили шумом многих голосов, и он увидел мо-
 лодого человека, как два камня вали пологонного на
 него, который тоже был поразен необходимостью
 следовать своим с недоможением, зашедшим
 его поехать; это владетельский князь, проживающий
 ради лечения в Карлсбаде. Сходство молодых людей
 обиделось уму, что оубе князь был когда-то в связи
 с князькой. Повесть пригласила князь раздалась
 поехать; жорь соглашался, и молодые люди на другое утро
 очень подружались. Повесть легко уговорил князь бро-
 сить великое лечение, и князь в его обиде поубе-
 сствовал себя другим человеком. Повесть изложил
 свои несчастья князю, а жорь рассказал повесть, что
 ему жорь тоже не улыбался: жена его советовала не
 мидеть, придворный эрикер надотел ему до последней
 степени, и очень хотела бы мидеть жорю аржера,
 для которой у него есть все задачи: он поехать не оубе
 Галбгозга. Попубравя романа на время переменился
 судьбою; повесть, в сопровождении посвященного в
 тайну камергера, отправлялся в резиденцию князь,
 свои проезды и всемерно огаровывал двор и кня-
 зиню, и посланного до законной степени, что если бы он
 не был так грезен и предан князю, он легко мог
 бы воспользоваться супружескими правами посланного.
 Но в самую опасную для повесть минуту являлся

бала, Розалия поучеживовала знаменитное облекение, но зато
 серпануть стала ощущать приезжьи уснастой зоски, которые
 ослабляли зомько зойда, когда оны тиль и пляеим, и
 возмекавидитиль все церковное и всеиль церковникове.
 Серпануть скоро освободилель нрь пльма и вернуель вымере
 съ меного къ своему оуридцу, но приезжьи зоски образи-
 лисъ въ припадки умопомъшмарисельва; полковой врачъ
 обидвилель, что серпануть ^{сфрдаель} оу дурно заложенаой франк
 въ голову и что ему полезно позитиль года два въ земломъ
 климатъ, вельдеревь чегу франкюра и препроводили въ
 марсель. Теперь Розалия просиль полковника назначиль
 ея мужа въ какое-нибудь болтве уединенное мьезо,
 нитиль въ виду его болтвменное созодание, но ничего не
 говориль ему овь ея сообщении. Комманданть охотко не,
 полнилель ея желанье и назначилель франкюра (оуличнаго
 арзилмерисельва и сфрасельнаго пирозельниска) въ форть Рако,
 гда въ его распоряжении было всего два инвалида, и
 поручилель ему привезти форть въ порядок и изгровиль
 болшой фрейерверкть къ хорасельхвенному дню. Среди ра-
 боты и на евтоиельвь воздуель франкюра бильа советиль
 здоровь, и все тиль прекрасно. Къ сошальнису камель,
 данель мильель привилку разговариваель самель съ собою, и
 его слушилель Басель, старый зоварилель франкюра, узнава
 нель монолог, тиль сфрдаель серпануть. По своей невозмож-
 оны выболзавель все это франкюру, а золь, узнаель, что оны
 дероимиль додволомель, виль въ самый уснастой припа-
 докъ бтмисельхва: оны выгналель нрь форть своего жени съ ре-
 бьнкомель, вообразиль, что она въ связи съ коммандантьомель,
 прогналель и своихъ зоварилель, зарядилель все пильски фор-
 та, господельствовавшаго и надъ морель и надъ городомель, и,

никая въ своемъ распоряженіи массу запасовъ, объявилъ
войну коменданту, въсабивъ знамя съ изображеніемъ
перза. Это сдѣлала такъ нечаяно, что городу грозила
серьезная опасность. На военномъ совѣтѣ было решено
взять фронтъ императора въ то бы то ни стало, и тогда сер-
танури давольно были погублены или въ бою, или по рѣ-
шенію военного суда. Позднѣй рѣшилась снаести муза:
она взяла слово съ коменданта, что если ей удастся заесть,
виръ франкюра сдаться безъ кровопролитія, она будетъ
прощена, и, оставивъ ребенка у подножія фронта, снѣла
пошла одна къ музу. Хотя грозилъ ей смертно и даме
сдѣлала въ нее, но она продолжала идти впередъ. Въ
безразіе даедало сертанури задуматься: похъ везу-
нить у него на лбу, и она начала колотить себя въ бокъ,
ицо голову; рана открылась, потекла кровь... въ это
время порывъ ветра сдулъ порохъ съ полки каретной
пушки и свалилъ чертова знамя; сертанури опомнилась
и бросилась въ объездъ вирной стены. Она немедленно
сдала своего знамя коменданту, а хирурги излѣчивали
его рану и надели даме кусочекъ кожи съ каменіемъ,
который она извлекла вполне удачно. Когда сертанури
послѣ операціи ввели въ городъ, народъ, «козорый сынъ,
мощъ штиндъ выше доброты», бросалъ ему лавровые вѣн-
ки. Черезъ какое-то время Позднѣй, въ довершеніе свое,
по счастью, узнала, что махъ знала съ ней прокладіе.

По сдариному воскресному обыкновенію, Армины
комманде своего повѣрять двусуммидеи:

Gewiss bist du ein Feind des Feindes,
Liebe Kräfte des Feindes sind.

(«Милосердіе разрѣшаетъ прокладіе грѣха; любовь изгоняетъ гѣрха»).

Ариимы — мать и Брендано приобрели гораздо большее
заслугу для немецкой литературы — немецкой лирики —
изданием сборника „Das Knaben Wunderhorn“ (Волшебный
рог мальчика), были своими собою произведениями,
Ами.

Гораздо большее известностью пользуется жена его,
Берзина, прославившаяся своею перепиской в Теме.

1785—1859.

Берзина (у немцев. ора Элизавета) Ариимы или вторично
Брендано родилась в 1785 г. в Франкфурте-на-Майне.
Сестра поэта Клеменса Брендано, по смерти в детстве своего
матери, она провела ^{часть} молодость в монастыре, затем у своей
бабушки Софии ф. Марш в Франкфурте, затем у
родственников в Орденштадте и Марбурге. В раннем
детстве она знакома в доме Тёхе. Мать Тёхе рассказывала
была дочке Берндано как-то прекрасные сказки,
какие рассказывала бывало своему собою сыну,
и двое из этих сказок стали знамениты в литературу:
Клеменс приложил к романтическим, а Бер-
зина стала основой другого романа, Ахилла ф. Ар-
ника, писала к Тёхе возмущенное письмо и
по смерти Тёхе воспроизвела в своем сочинении
образ этого его и его матери почти в истинном
виде. Не легко определить своеобразный характер этой
женщины. Весь рассказ об ее экзотических по-
сужках вказывает Берзину сдержанной, но подли-
стимой сушестью, напоминающей жить свободной
женщиной. Она возмущалась в себя до бальзамности
доходившего милое к природе и к искусству. Она,
рекая полнотой воображения, Берзина привиделась
гордо и рано изучать лучшие произведения немецкой

литературы. Вектор удивление ея къ производимымъ великаго тиража превращалось въ срахе къ во-муже. му автору „Фрагера“. Убавившись мажъ поэта, живущую въ Дорндахе, о своей французской моды, она начала (въ 1807г.) похвально переписку съ Тёге, отстоявшими соежахи на ея мажорский посланій. Въ 1809г. она находилась въ Мюнхенъ, сильно участвуя въ германскомъ возстаніи (Бунте); ^{въ 1812.} вышла замужомъ за Ахима ф. Армина и жила съ нимъ въ Берлинѣ. Во время пребыванія Берлина въ Берлинѣ, она довольно участвовала во велико фил. антропическомъ предпріятіи и усердно занималась улучшеніемъ быта рабочаго класса. Она ум. замъ же въ 1859г.

Произведенія Берлина похвально оригиналь. носки. Около 20 летъ оу роду она влиодилась въ во-ди. мажорно Тёге, который съ удовольствіемъ беготавалъ ея нею (въ Веймарѣ съ 1807-1810гг.) и переписывался. После смерти Тёге она напечатаала свою переписку съ нимъ вытаски съ своимъ дневникомъ подъ заглавіемъ: „Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde“ (Переписка Тёге съ ребенкомъ, 3 тома, Berl. 1835). Два первые тома заключаютъ корреспонденцію съ Тёге и мажорно поэта, зрелій посвященое ея дневнику. Книга вышла огамъ издательского и пере- ведена Берлинского вносладствіи на англійскій языкъ, но тѣмъ въ ней принадлежущихъ къ области фраза и тѣмъ вымыслено, кризика до сильн пори разоблаче не въ со, згоднѣ; повидимому, „Переписку Тёге съ ребенкомъ“ скорее надо признавать романомъ нѣтъ жизни Тёге, чѣмъ историко-литературнымъ мажоріаломъ. Кроме этой переписки, издаана ея корреспонденція съ поэтомъ

Каролиной ф. Бюндераде (Bünderrade, 1780-1806), заколовшейся вельдере в неслезной сразах к профессору Крейцеру. Кгиллинское направление Фрэнк писем, впрочем, привлекательно, криво и кхоторных анархо-низмов, свидоуелсервуониди, что самая потужаекая виехуагониди и собоиди, разказываемиди адуорониди, ке болше какь вымвелеи. Бердига издаиа и полное собрание сочинений своего ухёршого муона Арнииа сь предисловиеи Вилль. Тришма (в 20 томов. Берл. 1839-48; новое изд. в 22 т. ibid. 1853-56). Загони она издаиа переписку ед браа, Клеменза Брензано, подь всеиа охранаиди заглавиеи: „Klemens Brentano's Briefe, Franz im Freundschaften im Aufstand, von im Briefe Briefe, im Aufstand“ (Весниий вьмоиь Клеменза Брензано, смлзениий, вь военюмание о кель, изд писемь его молодоеи, согласно сь его желанием, выраженниимь писемно, Charlottenburg 1844). Ром издаиенд и авора зьсно соидиены вь посладнемь сочинени Бердиги Арнииа, поимомь зой оие оригинальнееи.

Вь 40-х и 50-х гг. Бердига писала книги о социал, но-политическомь вопросахь подь сенсационныи заглавиеи: „Dies Buch gehört dem Könige“ („Эта книга принадлежиь королю“, 2 тт. Берл. 1843), „Salus Panphilus und die Ambrosia“ (Илий Панфилий и Амбросия, 2 тт. Берл. 1848), „Gespräche mit Dämonen“ („Разговори сь демонами“, Берл. 1852) и пр. Бердига разко охраниваает на сторону демократии и хриезианскаго социализма; но она писала зько охранно, сь зькими курьедивнии орсудилениими, апокалипсическии виденииди, и пр., что цензура не ишла дуку заирендате ед произведеи.

1) книга, заклюгаиваид ед корреспонденцию сь избранныи мащорактуриерами Карузеонь, развдеидваид земли сь стороны двра рабочиь классовь.

2) написанни вь совершенно демократическомь духе.

Летом, в биографии Тёре, говорится о Берунии: «Скорее же, мочь, чья-то женщина, но не без проблесков гения, поэт, придающая блеск безмысленной гениальности, она действительно ускользает от ведской кружки. ^{Другой} Беруни кружки отнюдь не характеризует ее словами: „это посредственная экзальтация, близкая к безумию; она иногда забавна, всегда интересна и часто скандальна“. Беруния Аримья оставила яркое, хотя и не безупречное имя в истории польской литературы. Ее трудно приурочить к определению какой-нибудь школы или школы: по первой половине своей творческой она принадлежит к кружке Тёре, а по второй — к социальной литературе 40-х годов; зато по своему нравственному и умственному облику и по своим намерениям и целям, она по своему складу романтически как excellence.

Два драматурга этой школы: Захария Вернер и Теодор фон Кленгер.

Захария Вернер (Zacharias Werner) родился в 1768—1823. Кенигсберге в 1768 г.; отец был сын профессора, который вынес его звание был драматургом и цензором; его, реж. него ребенком шло в возмужавшем близком ода, копировал со сценой и кулисами. Мать Вернера была женщина до крайности первая, а временами и собою была сукашная; озабочена умерь, когда сыну было всего 14 лет. Он учился правоведению и философии в университет своего родного города, затем в время в разгульной жизни, а на литературное поприще выступил в 1789 г. с юмором и сатирами, в которых не было ничего романтического, а скорее было духом „просвещения“. Он рано ⁽¹⁷⁹³⁾ полюбил и англичан (1819—1828)

на слуху и слышавъ смерти въ своей провинции,
 пошелъ въ Варшаву; великъ синьоръ ономъ болюорядокъ,
 нуо и уне 33-хъ лѣтъ оуъ роду оказалъ двасиди
 менариль и двасиди разведенельиль. Пошелъ оуъ же,
 шель въ Фрейль розъ на замкараженской красавицы
 польскы, не поимавшей по-италиецки, а оуъ сама
 не поимавтъ по-польски; пошднѣ оуъ ушель и оуъ
 мед, тогда, какъ говориуъ оуъ, не дѣлалъ ея некасерной.
 Керемтощепной въ Берлинѣ ^{въ 1805 г.} оуъ не мотъ оурабиль
 разубильной синьоры, что и было примного развода
 его съ Фрейль и поимадней поимой. Въ салонѣ ея,
 шель приндиль его съ распроезерзвиль обидильной.
 Но оуъ продолжалъ и здѣсь всеи замкоуъ шель дѣлуу,
 нуо синьоръ. Когда французои овладѣли Берлинской
 (въ 1807 г.), Вернеръ вышель въ оурабиль и утажалъ
 пудешевобаръ; между прочимъ, оуъ оуоко Фрейль
 мѣстельцеи провалъ въ Веймарѣ, гдѣ Тѣзе приндиль
 его оуомъ людемо. Пошелъ Вернеръ болъ въ Швей-
 царю, гдѣ просишь у м-те (госпожи) Грабъ герцге
 мѣдѣца и сошелъ съ шв. Шмелеельи, пудиль въ
 Пармѣ, а оуура ^{въ 1809 г.} въ Уралю; мѣсь въ 1000 гульде-
 новъ, которую ему назначиль князь прииель фромъ-
 Дальбергъ, гдѣ ему воз.можноеи сущевобаръ дѣз.
 Стодно. Въ 1811 г. въ Римѣ Вернеръ займо перѣ,
 шель въ казолшесубо. Постоуиль зауомъ Ксаподъ
 и Венецию, оуъ началъ заммариель боюеловиль,
 гобель въ свѣщенникъ; оуъ снова повдиль въ
 Германию въ 1813 г., возуиель въ амаренбергскую
 седмарию, послъ чело въ 1814 г. болъ ружонпо-
 шель въ свѣщенникъ. Оуура оуравиль оуъ въ

Англию, куда прибывала во время конгресса и постоянно проповедывала там, собирая вокруг себя многочисленную публику. Захворав 1816 и 1817 года прожилась она в Камбенице, Подольской губернии, где занималась много полезного каноника. Возвратившись в свою родину Абердин, она возвратилась в 1821 г. во вновь учрежденный орден редемпторисцов, но вскоре оставила его. Последние годы своей ескузальческой жизни Вернерь провела в ^{Абердин} (Шотландия), где проповедывала до конца жизни, не смотря на последние страдания. Она умерла в Ватне в 1823 г.

Какъ уже сказано, Вернерь взяла ² работу (в 1789 г.) на литературное поприще в журналь ермодворе, кий. Она также рано стала впадала в мистическую, впадая в религиозный экстаз. Изъясняясь она получила своей пьесой: „Die Töhne des Thalet, драма, „Nisches Gedicht“ („Соня данина“, Берлина 1803 г.). В ней две драмы: I die Temples auf Cypern (Тамплиеры на Кипре) и II die Kreuzbrüder (Крестоносцы). Шиллерь ознакомился с ней в рукописи и, заинтересованный личностью автора, хлопотала о ее одъ уже уно, и рукопись перевода Вернера в Берлина. Но эту свою первую драму Вернерь написала в Пармате. В 1807 г. вышла одна изъ популярнейшихъ его пьес „Martin Luther oder die Weihe des Kraft“ („Мартина Лютера или посвящение силъ“), в которой она смело изъяснила исторический характеръ великаго реформатора, а в особенномъ его имени, Карерина бора: она сдала изъ ней в высшей степени экстаз, зурованную добушку, которая получила Лютеру

при безропости ее милое и благодарно за милое поветову,
 какъ Рейхенгофъ въ Теймсебронна за графиню ф.-Штралъ,
 какъ же это увидимъ впоследствии въ драмѣ Теодорика
 ф.-Клейера. Впоследствии, съавъ католикама, Вернеръ
 похарамае усматриваетъ дѣйствіе этой пьесы другою:
 „Die Weihe des Kunstst“ (Посвященіе бездѣлій). Пондъ
 Вернеръ въ драмѣ „Маршимо Мозеръ“ изгорито замка,
 миль французскаго миссиско, за все-таки она
 произвела сильное впечатленіе на публику. Позомъ
 Вернеръ написалъ пьесу „Wanda, Königin der Sarmaten“
 (Ванда, царица Сарматовъ), которую Тіе похарамае
 на Веймарской сценѣ. Около того же времени Вер-
 неръ написалъ другую пьесу-трагедію
 „Attila, König der Hunnen“ (Аттила, царь Гунновъ), гдѣ
 роль икенель была божія довольно наглядно
 изобразилъ императоръ французовъ. — После по-
 свщенія Вернеръ издалъ свою „Поэтическую пьесу
 пьесы“ (Kriegslied der Deutschen), пьесу болшой
 усюбъ, благодаръ нахрусеино миссиско. Пьеса же при-
 нудила его издать трагедію „Въ 1820 г. Выходитъ его
 послѣдняя драма „Die Mutter der Maskade“ („Мать
 Маскада“) въ которой крайній французскій генералъ
 ипалтно смуть съ германскими фрешамаи: въ этой
 пьесѣ на млада Саломея, и отмаеи зрители, рѣ-
 шуть и смуть вѣстѣ драгѣ ея; но выражениемъ
 брандеса, варваръ-царь и варваръ-позрь озрубають
 герольдъ Штралъ одиной сцезавѣ за другима; на
 заднемъ планѣ копоесамаи козелъ съ насломъ
 и козелъ, за сценой слышны удары топора. Ца-
 харий Вернеръ написалъ цѣлый рядъ драмъ, изъ
 у Коски посвященія онъ написалъ „Die Weihe des Kunstst“;
 „Königin der Heilige“ и въ 1820 г. — — —

козоровъ Лупинъ: Крестъ на Прибалтійскомъ морѣ
(Das Kreuz an der Ostsee), „Азнула, царь гунновъ“, „Варда,
царица сарматовъ“, „Курингда“ и „Маръ Маккавеевъ“.

Девъ смерти своей матери Вернеръ убывковичица
Драмой „Der vier und zwanzigste Februar“ (24-го фев.
верное февраль). Она написана въ 1809 г., въ нее переработана
ее въ Веймарѣ въ 1810 г., а напечатана она въ 1815 г.
Возвъ въраздѣлѣ содержаніе этой одноактной трагедіи
„24-ое февраль“, которая порадила множеству замъ-
называемыхъ трагедій судьбы. Крестъ дитя и въ юности
ее жить содержатель поэтическимъ прозвѣемъ воли сво,
его отца женился на дочери свдѣцанника; когда одинъ
разъ свекоръ сдѣлалъ неприязненное ненавистной
неблизости, родной свнъ бросилъ въ него оурава ко-
шкель, и, свдъ не попалъ, оурава проклялъ его и свнъ
уверъ оурава утаса. Проклятіе имѣло страшную силу;
старшій свнъ крестъ дитя, еще будучи ребенкомъ,
дитя же свнъ имѣлъ познать перероданъ въ маръ двуръ,
мозней свсрръ горло, въ утаса бросилъ имъ родилецъ,
скаго дома, долго свнъчался, приобрѣлъ соединеніе (въ
эго, разутьяеждъ, происходить до начала вѣсы) и при-
лодиръ въ родилецкій домъ въ годовичицу прееду,
ленія, совершеннаго оурава его. Родилецъ не удралъ
свнъ, и оурава, свнъ оурава свнъ въ эго свнъ долъ,
гали, римаеждъ посредурвалъ преедуненій овладѣтъ
котелкскій богатого издѣеувенника. Имѣлъ же имъ,
снъ, которилъ отъ имъкогда бросилъ въ свого оурава,
отъ рѣвнѣтъ свдѣеувеннаго свнъ и утасаеждъ оурава утаса,
поцого, крѣ отъ. — Въ эго утасаеждъ происходить 24-го
февраль позолу, что маръ абзора умерла 24-го февр. 1804 г.

Вернеръ привыкала къ Шиллеру, съ зрѣвшими
 преувеличеніями. Острые эррежеры и сверхъестествен-
 ный герръ въ „Орлеанской Давѣ“ больше всего под-
 ходили къ его ремеслу. Несмотря на все презе-
 зии на глубину и образованіе, оно принадлежало
 только къ разряду закисель писателей, какъ Коцебу,
 который также умалъ, когда Лотманъ, подражая и
 Шиллеру. Его характерислика всегда вышлелдъ,
 часо произвольная и исполненная неуклюжаго
 преувеличенія; вътако правдивыя человѣческія
 образы оно даеъ вымуривъ сцены, пьесы, видѣ-
 нія, заимовъ одиасува, дубовъ, которые въ видѣ ар-
 фисеровъ сзрансубуоуа среди людей и говорюа заимъ,
 сублимуо непуау. Такіе прочные неэорическіе одъ,
 ражи, какъ Мюзеръ, Аррила, оно сзирасъ и сзвдгасеъ
 сзасраблываъ розовыа сзвзавъ, сзгасо они звдлгозъ,
 сд не выше, а ниже, не позриваае, а зривааеае.
 Его „Двадцать гервергое февраль“ охривало рддъ закн-
 казывааеаъ зрагедіи судсба, гдъ нъ неправдоно,
 гадываа сзгасеа и пошлваа побудительныа
 прикннъ происхоауа одыкновенно заааснаа
 презумпсидъ, убійсво радзвентикова и кровосекн-
 меніе. Здасъ кровивыи радзвентикова убивасъ другого
 — не убійственно, оъ всплывшвей ненавнелн и
 ревностн, какъ у Шиллера въ „Ассисекой Навѣ“,
 сзгъ; но не знаа его и только оъ мааасеа къ его
 гемааа. Убійсво соверсасъ преимущественно
 неаеа или пошлваа, который узне прсиде бовъ уно,
 зредлсва въ селкѣ для подобнвтъ цвалей и коро-
 рои одыкновенно виденъ на вадасеаеа ааеа

сцене роурает по подмизии замавтуса.

Пьеса Вернера, 24-е февраля, излагаетъ землю, ко-
торая была загроуена уже въ XVIII столетии; озерца
удивляетъ возвращающагося домой сына, какъ въ
Batal curiosity английскаго писателя Лилло (George
Lillo 1693-1739). Убийца уже бросилъ однаиду ножъ
въ своего оуца и ножъ не попалъ въ него, но удилъ
его утасомъ — 24 февраля. Внучекъ удизаго, малчикомъ
самъ ножъ заколотъ въ перть своего маленькую сестру
— 24 февраля. Малчикъ тидтъ не находилъ покоя и
наконечу удизаго — 24 февраля. И если пришло
несчастье, которое сварило за сердце, рассказываетъ
оуца, „это всегда случалось 24 февраля“. 24 февраля
возвращаетъ назадъ и сына; почему отъ не оуца,
баеца, а почему сначала переночевалъ въ доикъ оуца,
было бы непонятно, еслибы имено не было цѣлью
забавитъ его удержать оуцъ руки оуца и закрыть оуца,
зачѣмъ довершился уредито. Въ промизрительный моментъ
французскій ножъ падаетъ со стороны, на которой висѣли,
чтобы напомнитъ, что его надо пускать въ дело. Все-
таки уже знаемъ — совершаетъ въ одномъ акте ея суро-
гитъ единсубовъ времени и места въ одинокой, въ,
сокорасположенной швейцарской дивиницы при утас-
ной стѣнной бурѣ. Съ самаго начала явилася моя,
мезубо утасовъ; но поэту не помехъ не виделъ не,
много албннисконъ поэзи, и не говоритъ о вѣдннн
албннисконъ вѣдннн, о вѣ албннисконъ колоколомъ,
какъ и о вѣ албннисконъ розикать. Оно и воодуше не
видеромалъ цѣльнаго зона: отъ вѣдннн на Тамъ-
Саксескую матеру Тѣре, но у него явилася поэзи,

гескисъ картины, которыя къ ней не подходятъ; и отъ
дальше испанскіе зрители, наполненные народной
болтливостью, въ этой постановкѣ производяще даже
качественное внезапленіе.

По образцу „24 февраля“ Вернера, Шюллеръ въ
Вейсенфельсѣ подарилъ публичнѣйшій театръ. Двадцать
девять февраля и своей пресловутой пьесой „Шилд“
(Вина), подъ вліяніемъ которой явилась похвала
(въ 1817г.) „Мингган“ (Трабабунка) Трильбарцера и
позднѣе еще другія драмы съ родезвенскими ко-
зибавки и съ похвалою постановкой.

Въ драмѣ Вернера непривычно поразительно эффек-
тныя пружиненія, мнѣзаніи маленькая декламация,
курбозное соединеніе грудой взорвенности съ крайнею
мелюзкой; перебитая декорация, процессія игроковъ
расуко роль, что драма гаско переходить въ трагическій
балетъ. Но при всемъ этомъ въ пьесѣ нѣтъ отъ-
верга сильной взорвекской французіи и мнѣзаніи несо-
рокъ генид. — Проиъ Коронно сзачсе о Вернерѣ см.
въ книгѣ Th. Charles: Trente années de critique. La lit-
terature et les moeurs de l'Allemagne au XIX s. Paris
1861. На русскій яз. пьѣ Вернера переведены: „Мингган“
и „24ое февраля“ Шлишковичемъ (1831 и 1832). Последняя
песа переведена также Сзурговичковичемъ. У Гербеля
Мнѣ. поэты см. удачно выдраннѣйшій отрывокъ изъ Минг-
ган и последнюю сцену изъ „24 февраля“. Полное
собраніе сочиненій Вернера вышло (на нем. яз.)
въ 14 томахъ съ его Биографіей, кап. Schubz'омъ (Фрин,
та 1839-41).

Изъ другія драмы — фразамсховъ назывель чие

Методия поэм. литературы XVIII века и начала XIX.

упоминанного Мюллерера (~~Мюллер~~) и Гюбнера. Адолф
1774-1829. Мюллерер (Мюллер), родоубвенник Вюртера, родился
в 1774 г. в Лангендорфе у Вейсенфельса, учился с
1793 г. в Лейпциге правоведению, с 1798 г. был ад.
вокалом в родном городе (Вейсенфельсе), в 1815 г.
он переехал адвокатсвовати - занимался сзрительством,
с 1820 г. посвятил себя исключительно литературе, пре.
имущественно кризисам, издавал похорова газети
и умер в 1829 г.

Мюллерер - разсудочная натура и критикалист, усматривающий в человеке прееде всего преступ., все инстинкты; этого, несмотря на звучные стихи и искусную постройку, несе его производят зримое впечатление. Все-таки он оставил две трагедии, ина, ина Большая цента и иранна, в переводе, на русской сцене, это - "Двадцать девятое февраля" и "Вина" (или "Преступление"). По образу "24 февраля" Вернера, Мюллерер в Вейсенфельсе подарил как раз немецкий театр, в 1812 г., "Двадцать девятое февраля", а в вальде задал в 1813 г., своей прееловузой пееой "Schuld" ("Вина"), под влиянием козрой явилась по. жаль в 1817 г. "Антра" (Водокальница или Трагедия Гельмца) Триллера и позднее еще друга трагедии с родоубвенником поживали и с похосей пожановкой.
"Двадцать девятое февраля" (. Der neunundzwanzigste Febr. an, 1812 г.) - савенная методия, полная фразализма. Вальзер Торез мечил в это число (29 февраля) на своей ссзрети, не зная этого. Ссзреть прокляла его за этого брах, он ко. жорого родилась двое детей. Дочь умерла в это же число. Брах Вальзера, вернувшись из далеких краев, охривает

ему эту тайну. Валзеръ закалываетъ другого ребенка и предаётъ себя правосудию. Его казнятъ въ присуствии жены, просившей оъ зголь, великодушна свиданія. — Въ елудевии поэты представляли для сцены окончаніе пьесы, сдѣлавъ брака и самоубійство мильонны.

Въ трагедіи „Вина“ (Die Schuld 18162.) гоним Валеросъ, графъ Касулин, живущъ подъ проклятіемъ царицы, предъ сказавшей, что младшій сынъ его, Орто, убилъ царя Карлоса. Чтобы избѣгнуть зголь, Орто уходитъ после рожденія, отправляющъ въ Корвело. Онъ родеетъ тамъ въ чужой семьѣ, подъ именемъ графа Фридура, потомъ онъ, управляющъ туземцевомъ и, въ Испаніи, влюбляетъ въ жену своего брата Эльвиру. Не зная ничего о своемъ родеетъ съ Карлосомъ, онъ убиваетъ его на охотѣ и убо, зитъ Эльвиру въ свой замокъ, гдѣ они живутъ по карузи, носы спокойно, но мучимы угрызѣніями совѣсти. Все это происходитъ до начала пьесы и разсказываетъ въ экспозиціи. Въ замкѣ являетъ гоним Валеросъ, оу, вскрывающій убійцу своего царя сына, и узнаетъ въ Орто своего младшаго сына. Трагедія оканчивается гдѣ, что Орто хотѣлъ обдѣлать о своемъ преступленіи, но Эльвира, законне утѣшавшая въ немъ, закалываетъ, едетъ, и онъ слѣдуетъ ея приговору. — Трагедія написана хоросомъ, г.е. воздержанно-задумчивыми рисованными зрѣли. Ями, которые вошли въ моду, благодаря романтическому почитанію Калдерона. Какъ эта трагедія, такъ и ея по, драматическія пьесы легко приводили къ преувеличенной розорити, при которой пророчества, проклятія, предзна, менованія, предугаданія, сны и дикія сцены заимств пьесы казались еще ужаснѣе.

Из других всех Адольфа Люткенера наиболее извощены:
 „König Ludwig“ (Король Людовик, 1817 г.) и „Ardanka“ (Die A.
 Katesen 1820 г.) Его комедии: „Die grossen Kinder“, „Die On-
 kelse“ и др. надъезды, камингены и написаны по французск.
 стилю образцы. Вообще можно сказать, что Люткенер
 закрывал недостатки зловещего таланта и глупости
 чужеземца блестящей вымышленной формой и знанием же-
 атра, свои „Dramatische Werke“ он издал в 7 томах
 в 1828 г.

1778—1845. Эрнст Фронт-Товвальд (Fronwald) родился в 1778 г. в Спраунинге
 учился в Галле, жил некоторое время у себя в поместьи (в Лауцице),
 жил в Кисинель-Лауцице, умер в 1845 г. — Он по
 натуре скорее наклонен к прозаическому и даже
 сантиментальному; но судьба была зорка в поете, и он
 подвинулся ей. Наиболее извощены его пьесы: Das Bild
 (Картина, 1821 г.), Der Leuchtturm (Навигационная башня, 1824 г.),
Die Feinde (Враги, 1825 г.), Die Räuber (Разбойники, 1830 г.)
 Товвальд, по видному, сам не был того поэта, что
 он фразист (в смысле пьесы), но в своем фразе
 „Reinem Schicksal kann Niemand entgehen“ (Своей судьбе
 никто не может избежать, 1822 г.) он настаивает
 на идее фразиста. В успехом он дваживал
 на поприще драматической литературы; вообще он штал
 на время большой чести.

С зрелых пор, когда Шлик издал в 1821 г. по-
 смертная сочинения Теприль Фронт-Клейста, а в 1826 г.
 собрание его сочинений, зорь меланхолический образ
 спановидея наль все дорожили и по морта зор, как его
 узнавали, он подвинулся все выше.

1776—1811. Теприль Фронт-Клейст (F. v. Kleist) произвел

изъ прусскаго солдацкаго сословія, происходить изъ
 того же дворянскаго рода, изъ котораго вышел его дѣдка,
 мѣрикъ Эвальдъ фонъ-Клейеръ, пѣвецъ вѣсты, котораго
 пѣль при Кунсередорфѣ. Но онъ — Т. Ф. К. — не пострадалъ
 подъ знаменемъ, и умеръ не на полѣ бѣвы, а онъ
 соборвенной руки. Трагическій поэтъ и трагическая
 судьба! Онъ родился въ 1776 или 1777 г. во Франкфуртѣ
 на Одерѣ, былъ сынъ бѣднаго офицера прусскаго слуга, и
 рано потерялъ родителей и былъ воспитанъ дѣдкою.
 Онъ учился въ корпусѣ, 15-ти лѣтъ сдѣлалъ юнкеромъ
 гвардіи полковъ въ Рейну, уже 19-лѣтнъ оубо роду былъ
 офицеромъ гвардіи, но военная, гарнизонная служба
 въ мирное время не понравилась ему; въ 1792 г. онъ
 вышелъ въ охотники. Теперь ^(въ 1792 г.) онъ
 началъ учиться. Онъ поучился въ Гюльденбергеръ (въ
 родномъ городѣ — во Франкфуртѣ н. О. и въ Берлинѣ
 и со всего остроты своею природою накупился на
 западнѣ математикой и философій Канта. Но Кан,
 зовская философій, которая была звердой опорой дѣла
 Шиллера, повергла его въ отчаяніе. Онъ былъ крайне
 раздражительный, нервный человекъ, на многихъ
 производившій впечатлѣніе сумасшедшаго; къ тому
 же онъ очень рано началъ прибѣгать къ опиуму. Онъ
 безъ особливъ прѣимствъ разошелся со своею невестою,
 спорился съ нѣсколю любимой сестрою и нѣсколю разъ
 радикально помялъ планъ своей жизни. Онъ оураково-
 валъ по Германіи; ~~осенью 1802 г. онъ былъ въ Вей-~~
~~марѣ, познакомился съ Тѣе, Шиллеромъ и Виландомъ;~~
^{въ 1802 г.} поэтъ онъ явился въ Парижъ съ цѣлю знакомить
 французамъ съ философій Канта; но видя безуспѣшность

*) Онъ определенъ въ службу въ Берлинѣ, жилъ въ Дрезденѣ и т. д.

своих усилий, начал изучать естественные науки, но
 потом заметил, что вообще учиться напрасно, и отправился
 во Швейцарию, чтобы жить трудом и работою крестьянина,
 поить, и вдруг, в начале того, начал писать песни; за
 тем же вернулся в Париж. ^{в 1803 г.} Сверх философии Канта он
 одним скачком перебрался в самый крайний матери-
 ализм, граничивший с материализмом, или подмалю-
 сь с материализмом; то он воображал себя великим поэтом,
 то приходило в совершенное отчаяние на себя свои
 способности и силы. В одно из этих зачатых припадков
 он, изучившись по Франции, после напрасных стараний
 уговорил своего друга совершенно лишиться себя жизни,
 селеть все свои поэтические наброски и вздумал по-
 сушить во французскую военную службу. Его пости-
 гли на родину, где он заболел довольно сильно.
 Когда он оправился, родные уговорили его поступить в
 чиновники. Простив все, что шло, он получил в
 Кёнигсберге магистерскую должность, которая дала
 ему весьма ограниченную средства к существованию;
 но в этой должности он два года (1804—1805) прожил
 смирно, почти покинув литературу. Тяжелое положение
 здоровья в 1806 г. сильно волновало поэта: смирение
 поэта приводило его в глубокое негодование, и он не-
 тал возбуждаться в Германии народную войну во имя испан-
 ской. Повидимому, это дошло до полиции Наполеона. Когда
 Кюлер в 1807 г. поехала в Берлин, французы, зайдя в
 Пруссия в том же году, его арестовали у заставы, несмотря
 на законный паспорт, отправили его по подозрению во
 французскую крепость Шалонь, где и продержали его
 в заключении прусского министра. Получив свободу и

1, осенью 1802 г. он был в Веймаре, познакомился с
 Гёте, Шлегелем и Виландом;

вернувшись на родину, Клейзер направно думаетъ о члн-
 ствѣ свое положеиіе поэтановскою своими драми: онъ по
 Фиделю (въ Дрезденѣ) ^{въ 1807 г.} и издаеа журналъ Шюевиса. Война
 Австрии противъ Наполеона привела Клейзера въ воездор.
 шпитальное соедѣніе, которое заставило его забыть о литературн
 нечаянхъ (его журналъ Шюевиса не пошелъ, а Тѣре рѣши,
 жельно отказавъ принять на Веймарскую сцену трагедію
 Пондзилето). Клейзеръ написалъ глубоко прогубеждоваю-
 щий дифирамбъ: „Deutonia an ihre Kinder“, (Германіи къ
 своимъ друзьямъ) и отправился ^(въ 1809 г.) на своего военнаго дѣл-
 сьби; но пораненіе при Ваграмѣ и позорный миръ
 повергли его въ отчаяніе. Онъ ^{далъ въ Прагѣ, позѣмъ} перетѣкалъ въ Берлинъ
 и работалъ нѣкоторое время жонско для того, чтобы не
 умереть отъ голоду. Въ 1810-11 гг. онъ издалъ свои разска-
 зы и тогда же написалъ своего послѣдняго драму: „Тонъ,
буржескій принцъ“. Несчастіе оженства произвело на Клей-
 ера сильное внезапное. Къ этому присоединилось
 сѣрдное губеждо, привваживавшее его къ .музыкалнст
 Генриэттѣ Розенъ, съ котораго онъ сошелся въ Берлинѣ.
 Не имѣя съ нѣмъ никакихъ сношеній, кромѣ пошнн,
 дружесвеннаго, сѣрдаѣ жѣне отъ меланхолн и скрѣя
 себя неизлѣтимо болѣной, она взяла съ него слово, что
 онъ окажетъ ей такую услугу, какую она отъ него
 попроситъ. Въ осенній, ноябрьскій вечеръ 1811 года, по-
 тѣлали они въ Позедамъ. Тамъ она напомнила ему
 объ его обѣщаніи оказать ей услугу, какова бы она ни
 была. „Я всегда готова“, отвѣчала Клейзеръ. — Въ законѣ
 слугаго убѣдѣ менѣ: мои сѣрданія дѣлаются для менѣ
 гнѣтъ невиноснкой;“ они переночевали въ гостиницѣ,
 всемо провели день, написали вѣдѣзъ полнаго горькаго

котора писма, въ которыхъ описали причину своей смерти, покуда вошли гулять. Когда, на берегу озера, того озера Клейсера смерти захватили Тебриеру, покуда себя. При зрелищ сценическихъ одобрялись покончили съ собою Клейсера, отпавшие и въ своей собственной карт. ерты и въ освобождении озерсуба. Ему было только 34 года.

+1 Хантес

Литературную свою деятельность Клейсера началъ прямо съ драмы, титанической трагедии похоронилъ въ ранней смерти Шиблера невознаградимую потерю. Въ литературно-исторической связи его приемникомъ президе ветахъ Явдехед Тебриеръ франц.-Клейсера, но въ французской драматургии отъ него не была. Клейсера громко оцѣнили доминантно образомъ только долго спустя после его смерти. Какъ уже сказано, Клейсера началъ прямо съ драмы; въ Бернере въ Швейцарии (куда отъ отправился изъ суваровки Париза, всемирного города, въ идилическое удивление) отъ написалъ драму: „Die Familie Schroffenstein“ („Семейство Шроффенштейновъ“, вышло безъ имени автора въ 1803 г. — Zürich und Bern), набросалъ комедию „Разбитая кружка“ и нѣсколько сценъ изъ трагедии „Робертъ Тонскардъ“. Когда Клейсера (осенью 1802 г.) были въ Веймарѣ, то Виландъ пришелъ въ восторгъ отъ его чтенія отрывковъ Роберта Тонскарда. Клейсера были за престолъ, не въ величайшихъ надеждахъ, за пачать духомъ и были близокъ къ безумию. Въ одно изъ такъ припадковъ, какъ мы уже знаемъ, отъ съелъ свои поэтические на- броски, между ними и Роберта Тонскарда. ✖

Драмы Клейсера посвящ отпечатались его сценической жизни. „Семейство Шроффенштейновъ“ представляется историко-бытовой и надеждой двухъ благородныхъ дворянъ, вельможъ до крайности

характера героини поэты повелся выразить свои душевные
мысли. На уже знаешь, что Тёте оказалась принцесса на Веймарскую сцену эту

Получив свободу, Клейстер подвигается в Дрезден и
и издаёт журнал Probus. Около того же времени
он написал лучшую из своих повелль, Michael Kohlhaas от
Kohlhaas (Михаилъ Колхасъ или Колхгаасъ). Действие
происходитъ въ эпоху Лютера. Герой повелль, честный
купецъ, жестоко и несправедливо разорившись богатыми
баронами. Онъ желаетъ добиться наказания обидчика за
свои убытки, но знающее и свяди послѣдствую отъ
французск. саранид Колхгаса на его же голову; онъ раз-
оренъ, жена его умерла отъ огорченій. Тогда Колхгасъ
начинаетъ безъ пошлю закона: съ братьями слугами
нападаетъ на замокъ обидчика, забираетъ его и, когда
хозяйку удаётся спастись, преследуетъ его неостаново,
послѣдствую въ провозаконный дѣйствій,
Колхгасъ дѣлаетъ араматомъ разбойничьей шайки. Се,
редъ посредствомъ Лютера ему въ концѣ-концовъ удаётся
достигнуть правосудія: его обидчика осуждаютъ, но и Колх-
гасъ долженъ погибнуть отъ руки палача.

Другой отличной разказъ, Das Erdbeben von Chile
(„землетрясение въ Чили“) Клейстер написалъ около того
же времени. Двое влюбленныхъ, молодой человекъ и
молодая дама, спасены землетрясениемъ въ ту самую ми-
нуту, когда она должна умереть смертною казнью, а
онъ хочетъ наложиться на себя руки. Рядомъ неостаново,
кому спасенно и вернувшись, они возвращаются въ городъ,
чтобы возблагодарить Бога, но злимъ самимъ отдаются
себя францужинку герни, которая нѣтъ умерщвленна.

Лучшая драма Клейстера „Das Käthchen von Heilbrunn“ oder
die Feierversuche (ein historisches Ritterspiel)

Шураль в нестерпимом состоянии съ адескими силами, но когда Керженевъ, призванная сюда же въ качестве соотрис делити, по приказанию своего единственнаго, повелителя — графа, охровенно разкаждиваетъ своего нехорошо и злого обнаруживаетъ грезный образъ дивсвйи посылка, ндо, судьби, хотя и зронуе несаеуеель грезной салви орупейника, долсныи оказатъ обвинителю и напоятителю ену обь, одиелье воишебуель природы?

Въ дальнйшемъ, очень сложномъ и болгое приподномъ для романа или сказки, тиль для драмы, развизии стюжара французсика играеть еще болвшую роль. Графъ ф.-Шураль млотель красозого благородной Куингунды ф.-Шурнекъ и гозовь едклареть ея мунель. Куингунда — на самомъ дгьмо злая и безобразная втдыма, козорая своимъ гародтисерва, мн велье озводиль глаза; графу ф.-Шураль угрознаеть сирзельная опасноеъ во время тира озъ виезаннаго нападений на займокъ, но въ мунузу крайнееъ двлелься Керженевъ, убоснавая для згого нъ монасерья, и сна, саетъ его. Врачи подьосидены. Займокъ обяель плаканыи и залье долонны поидиель бумаги, козорыми очень дорожиель Куингунда. Не задумываетъ, она посылаетъ на вторично сирзель Керженевъ, но зу спасаель ея ангель Хранитель; Керженевъ узнаель займу Куингунды, и за пострелье погубиль ея развильи способами.

Посиль многиль перипетий: судеднаго поидика, сиреоты солнакебулизна, гдъ млмная дочь орупейника разска, зельаетъ о своихъ прошедельи, нъ козорого видно, что она побогная дочь императора, млмнелъ на ней графъ ф.-Шураль, козорый розилъ въ свое время во погь ст. Силь, везра млтиль вадоние, предназначавиель ену Керженевъ,

но забыть его въ шумъ снужни.

Эта драма, до снхъ поръ несходящая со сцены, сн, заеда одной нзъ наиболше национальныхъ пьесъ Германн. Сравнительно съ пьесами Тика, Козлова нзъ Тейлсбронна гораздо драматнчнше; въ ней много шп, розн, искренности н душевности, но она совснма мн, жена второподобна н, какъ сказать, чужда мнрсу.

Наконецъ, „Битва Германна“ н „Князь Фридрихъ Тюрингскнй“, двн послдннхъ драмы Клейста (1812), нзданныя уже Тикомъ.

Чтобы выразнть свою ненавнсть къ пружменнцамъ французамъ н къ нмъ патетическимъ леледямъ, Клейстъ образнлъ по прсловицу н загадочнои этикн про, много втка зелья — битва въ Тюрингсконъ мнсу н обработалъ ее въ драмн: „Die Hermannschlacht“ („Битва Германна“). Розн выражаетъ ея содержанне: Германскнхъ князевъ горюють о свободн, которой лишили нхъ Римкн; но своекорыстн н эгоизмъ помножаетъ нхъ гннсьбованн еднородншо. Въ нхъ совнть влзодятъ Германн, ^{его жена} Туснельда н римлянкн Венднн, которой прншлава гворнть Германна воздннть съ римлянками въ союзъ прозва Марбога; Германн мсуетъ Вендннн н мнбедно пред, лагаетъ ему проводить Туснельду въ Тюрнгу, такъ какъ она, Германн, долншо оеарсн съ князьями. По, томъ Венднн въ самнхъ ннлнхъ н одобреннхъ въ, разннхъ обнвеннхъ Туснельды въ мнбн н уклоннхъ даетъ ему локонь ея волю; мнуганная его стнлоестн, она зоберъ слушаннхъ, береть мнзну н налнннхъ ннхъ. Вендннн незаметно срзаетъ однн нзъ ея локоновъ н убнгаетъ со своен добычей. Туснельда разказываетъ Гер,

ману о происшествии; отъ не вярши въ любовь римля-
нина и подозреваетъ ^{въ} его ухищриваніи другую цель: рим-
лянка въ нудины золотистые волосы германокъ, чтобы
нарисали изъ нихъ заманувъ свои черныя косы.
Тусенелда не ратаетъ вярши ему.

Германъ измѣняетъ римлянамъ: отъ озиривъ деу
Музгара въ Марбоду съ планомъ бѣгства и, чтобы деура,
и изъ бѣдное сохмѣніе со сродоты поелотидло, деура ему
въ залозиники свои саковей. А изъ трезиу закаочива,
еура сцену деурирования придвинуть римскиа войска
передъ Вароны и князюшки Керускова. Въ 4-мъ актѣ
сцена переноситъ въ лагерь Марбода; отъ притискаетъ
предлозеніе Германа и оказываеу ему колтое договоріе:
римскій лагеръ утосмаеу отъ него, оказавъ ему въ дружиди
въ Римоты. Германъ негодуетъ, что римляне злодѣиствани
~~и не~~ ~~еура~~ не податотъ народу повода къ возеранію. Въ
челу мнотъ нѣтъ благодаридіа? Въ челу сродотъ дисциплина
когорду? Я раскидывали на позтары, грабеши, насиди,
на всеу узнаеу свиртотной войнкы!" Отъ самъ гозовъ позидеу
Тевзодурау. Гиттару, его вярвиу совотрнниа, уепоковалеу
его: навирно найдереу удобной предлоты. И дѣиствителотко:
керуска дѣвчица оскорблена римлянитототы, послеу чего
ее убиваеу въ родной оуци. Германъ поиздеуеу зумиу
случаеу: велиуеу разрозареу зрунѣ дѣвчици и развилаетъ
куски ео по вѣсиль обласиди. Германъ отенъ осоротанотко
сообщаетъ Тусенелдоту о своихъ кровавильхъ планавъ, она
въ узнаеу и умоидеу ео поизадитъ коуе мизуеу Венгиди,
палка въ любовь когорото всеу не произвела нѣкогорое вѣсидеу,
нѣ на еу нѣдкое сердце. Германъ согласенъ; но будито
къ слову показываеу еу перебваченное писмо Венгиди

ко зять императора въ Римъ; оказывается, что онъ послалъ ей локошь Туссенлда, какъ образчикъ, обѣщая доставить при удобномъ случаѣ и весь волосъ германки. Туссенлда кланяется шесзюко озошезюкъ негодяю. Она заманиваетъ вытопленного въ нее Венурдидъ въ западню, гдѣ его раз-рываетъ медвѣдица на глазахъ кровожадной публики.

Последній актъ — на полѣ Бурвы въ Тевзобургскомъ лесу. Римляне побосидены, Варъ сѣверзельно раненъ. Затыкъ сцена переносится въ разрушенный Тевзобургъ. Герои великаго дѣла, Марбодъ и Терманъ, привозреваютъ другъ друга, и Марбодъ преклоняетъ колѣна передъ Терманомъ, какъ передъ королемъ и повелителемъ. Первый актъ власти Термана — осужденіе на казнь одного изъ князей, козорый уклоняется отъ общаго дѣла. Последний слова Термана звучатъ пророчески: „Идемъ на Реймъ, тогда ни одно римляниты не осажетъ шивымы на землю Терманской, а позошь въ Римъ!... на землю не будетъ покоя, пока не будетъ разрушено это разбойничье гнѣздо!“

Мы можемъ видѣть и изъ этого кразкого изложенія, что Клейгеръ не думаетъ объ археологической вѣрности; напротивъ, суремилет суремилетъ какъ можно прозрачнѣе своего патристическаго резиденціо; но позоръ счастливо избѣгаетъ банальности въ образкѣ своего архимпатристическаго сюжета; вѣтвоего идеализированнаго франгомова здѣше шивыме люди; вѣтвоего громкиа фраза — выраженіе кело, вѣтескиа сурасей и слабсехи. Его Терманъ далеко не безупречный герой; онъ коваренъ и шесзюкы съ врагами; онъ недовѣривъ къ своимъ и не осановится передъ пазрѣнымъ пресудженіемъ дѣя дозиснейшій од-шей цтали. Но закима ^{и.комма} жолдиль и принадешиа устала.

Пфефелбага — вярная и любящая жена, но ея неопознание и змеелавие погубило едалара же гурь не прескупной. Унего по-менски переходить она оубь благодумий пашкаемало самолюбия къ немесовой Яроски самолюбия оскорблен. ного. Въ свое время въ Бухвай Термана всего ишдерес. ные были умные советы, которые погубь давали въ формь драки своими умнеженными соотечесственниками: прежде всего будбуе единодумны и готовы къ жертвамь; заглавы не летитайте, что такое великое дело, какъ освобождение оземесова, можно совершить, не запявнавши руки кровью, а советы — обманомь.

Классическая драма Килеера: „Prince Friedrich von Homburg“ („Принцъ Фридрихъ Гомбургскій“, написанная въ 1810—1811 гг.). Действие начинается передъ Бухвай при Фердел, мити. Бранденбургскій курфюреръ раздаеъ приказанія своимъ генераламь; принцъ Фридрихъ Гомбургскій, котан, дуэциъ конницею долоненъ воздерживаться оубь ведкаго урасий въ сраженіи до полученія приказа. Но принцъ, влюбленный въ сироту Назалю, принцессу Франскую, которая присуждевается на званъ совьтца, плобо вникаеъ въ смыслъ распорядковъ. Во время Бухвай отъ, вопреки приказанію, бросаеъ въ сраженіе, нападаеъ на кепи, Ярелъ съ отрядного Ядраево, совершаеъ чудеса Ядрао, сфи, одерониваеъ полнью побьду при Ферделити и блн. сраженію ошнцаетъ за предполагаемую смерть курфюрера. Великій курфюреръ оздаеъ его все-таки подь военный судъ за нарушение дисциплины; принцъ громко прозесудеъ и готовъ произведи возстаніе про. зивъ подразнарендъ Бруда; но когда великій курфюреръ обращаеъ къ его совьтцу и соглашаеъ освободитъ

его из-под ареста, если он не напишет, что ему она, зато несправедливо, принять, не смотря на своего юнкерского товарища Шиндлера, не смотря на молитвы На, Зальби, которая его любит, признает справедливости приговора и добровольно идет на казнь. Это выводит из-под зоркости ее завязанные глаза; она идет в ровной команде, но оказывается, что принца бросил в бурю в союзном сонтрамбулика, точно также как в Дромке не союзном признался в любви пленницею великого курфюрера. Таким образом она оправдывается, курфюрер возвращает ему жизнь и свободу и даже отдает руку Зальби.

В этой драме Дрессе поэта и вообще способно изобразить характеров и выражений достигнуть полной зрелости и силы; в ней тоже есть личный элемент: болельщик чувствует себя герод, резкие переходы в его настроении, его борьба с жизнью, падение и приращение с принципом справедливости — все это списано Клейсгоме как с зеркала. Но принца Томбургский тоже не попал на сцену при жизни автора.

Между драмы как „Баба Термана“ исполнена больше, но и неавиери к французам, картина борьбы против кристошифера, как поэта представляла и себя, куррой, мезокой, беззубой, готовой на всякие средства; до взора „Принца Томбургский“, напролив, драма — исполнена любви и человечности, приверженности к Пруссии и к „изамид Точенцаллеровых. Со времени „твоего гренадера“ и „линии фрон-Барнелбви“ Пруссия не имела такого прославления в немецкой поэзии.

Тейпритъ ф.-Клейсера окончилъ несколько лирическихъ
 сдѣланныхъ, ряда разсказовъ и семь драмъ. Которы въ
 большѣй области давали превосходный вещи. Въ его
 языки заключаются своеобразное очарованіе, хотя отъ не
 совсѣмъ владела элементами поэтической драматургии.
 Онъ развернулъ въ повелѣхъ ту же увлекающую силу,
 какого отъ владела какъ драматургъ. Такой разсказъ,
 какъ „Землерасеніе въ Чили“, принадлежишь къ мажор-
 скимъ произведеніямъ вообще всей прозаической поэзии.
 Онъ отърываетъ насъ отъ суашиаго къ милому, зрѣлому,
 пому, а отъ него снова къ трагическому. Тейпритъ ф.-Клейсера
 разсказываетъ въ высшей степени ясно; очень коротко, по-
 ти въ родѣ пересказа, отъ приводить множество по-
 дробностей и факты случайныя побужденія обстоятельство,
 добросовѣстно заботясь о вышней дѣлани и не боится,
 что это нужно, и грубость фактовъ. Иногда отъ излагаетъ
 въ косвенной формѣ прозаическія описанія, но въ особенно
 важныя моменты отъ вводитъ совсѣмъ красочно прѣ-
 мную часть, восклицанія, приказанія, отказы. Излагая
 вообще и вымышленныя событія, отъ дѣлаетъ видъ, что
 не имѣетъ никакихъ свидѣній, не понимаетъ значения
 словъ, какъ что бы какъ будто выслушалъ отъ нихъ присуд.
 вѣрять при сценѣ какъ зрители. Онъ разсказываетъ
 этого фактически, въ длинныхъ періодахъ, часто что,
 зрѣлымъ являющимся конструированіемъ со многими описаніями,
 ними и послѣдовательными предположеніями и наряду,
 зными чертами, какъ чертѣ, который вполне об-
 думанно и спокойно очерчиваетъ изъ прозаическаго
 матеріала; отъ удерживаетъ свое личное мнѣніе даже въ
 эпиграфахъ, но при казусностяхъ его продолжаетъ соображеніе,

и отъ высказывающъ свой ужасъ отъ франкузизированнаго
убійцы, свое удивленіе передъ великодушныиъ заступни-
комъ, какъ бы по невольному взрыву вынужденнаго воз-
бужденія.

Клейеръ снискохъваждаетъ дѣйствительнаго со всеми
случайными ободреніями и однако умнѣетъ сразу
переноситъ насъ въ поэтическій міръ; у него своя рѣдко
опредѣленная манера, но отъ никогда невадаетъ въ
реферическій фразы. У него была дикая энергія, которая
не останавливалась ни передъ чѣмъ. Это была такая же
музыкальная натура, какъ Лессингъ и Шиллеръ, но го-
раздо упрямѣе, гораздо сильнѣе рѣшившая не дѣлать
никакихъ уступокъ разслабленности времени. Отъ Клейера
не дрожатъ, а поглядываютъ съ полной драматической силой.
Отъ не егидеетъ Леркерера, но бедетъ итъ къ самымъ
крайнимъ послѣдствіямъ и тогда снуаетъ позволен-
нымъ даже срамное и ужасное. Вѣду итъ никакого
дѣла, что эти оскорбляютъ чувства публики. Отъ
забываетъ только о томъ, чтоди похвалитъ лилое рѣдкое
со срамнымъ и, какъ бы образомъ, создатъ эстетическій
прозвонъ. Но и Титеринъ ф.-Клейеръ по своему обра-
зованию былъ сыномъ XVIII вѣка. И отъ вдохновилъ
Дюссо. И отъ былъ реринъ и человекотворъ. Такъ въ одной
изъ его повѣстей одно неразрѣшное столкновение, благо-
даря драхлоту устройству міра уравниваетъ проценіемъ
и забвеніемъ. Какъ въ полемикѣ прозвонъ героическаго
сраженія отъ идея дальше, чѣмъ какой-нибудь человекъ
его времени. Равнодушія сего добродѣтели только агитовъ,
говоришь отъ. Членъ Лессингъ указавъ на греческихъ героев,
которые не переносили жертвоприношенія своимъ сраженіямъ, а кри-

гарт и плагура какъ дотри; жакъ и Клейеръ, изобразная
принца Фридриха Гомбургскаго жакимъ Бурисевичъ, сына,
мыль и подбодопасемиль, ргшаедеъ показатъ его позоми
и жакимъ „человѣчюевиъ“, что его охвазываетъ зрусливый
сраба сиверри. Въ рой же пбесеъ отъ предсавилъ прози,
воположннееъ между человѣчюевию и дисциплининой,
какъ она должеетъ бивъ оуцужатъ ее во время своей соб.
субенной слусиды: отъ вполне оутоиваетъ вежннееъ
военной дисциплины, но жакимъ и человѣчюевию сира,
ведливого правителъ, который въ необыкновеннанахъ су,
какъ утмаетъ процаатъ нарушение приказа.

Какъ поэти Бурнаго, „геніальнаго“ періода, Т.Ф. Клейеръ
сзавилъ сердце выше разума и слущаетъ голоса своего
сердца. Но эзотъ голоса говорить не всегда, или отъ говорить
не всегда вено; биваютъ слышны прозивоположнана
голоса; или сердце заговорило, человѣчю днйствуетъ; отъ
оуоуръ жемеръ передъ своимъ двѣтнелъ и нугаетъ: въ кель
проснателъ сомнтанія; лощетъ ботъ, его охвазываетъ
отпакннѣ, потому что отъ не можетъ вернуть случившагося.
Клейеръ въродно самъ перестивалъ подобной соузвннѣ;
потому что отъ гасо ить изобразаетъ „не слущай моего
чубеуба!“ восклицаетъ испуганно адимъ изъ его героевъ.
Благодаря слущаннѣ чубеуба его, очевидно, ишгоресовала
Алкмена въ „Алфизрнотн“. У Пензузилей нугаетъ
любовъ и кровоснатннееъ. Любовъ и презрнтіе бортозъ
въ души маркизы фронтъ-О...; справедливнееъ и несправед.
ливнееъ нугаетъ у Николая Контгаса.

Клейеръ обнаруживаетъ средееъ въ поэтики періода
Бурн и мариска и какъ худоситннѣ. Правда, отъ далекн
отъ ить бозорорнентннееъ, которая перенила въ наследееъво

въ ермитажъ романтизма, отъ далека отъ самооболь-
 щенія, которое раздвинуло даже Ахилла фрон. Архима,
 будто бы гений поэты зворитъ прямо отъ себя, слѣдую
 фольско природы, безъ правилъ. Это скорое повелюю око,
 выходя на классику, на Шекспира, на драматъ, на
 Лессинга, на Шиллера, менее на Тѣре. Лессинга напо-
 минаю иногда его диалогъ. Какъ Шиллеръ, это пробу,
 отъ слова ввести антимоний соръ въ прекрасномъ
 отрывкѣ „Роберта Тронкара“. Какъ Шиллеръ въ „Орле-
 анской драмѣ“, которая вообще произвела на Клейера
 болѣе сильное впечатлѣнiе, это предвзвѣдъ въ Понтоуинѣ
 немецкую героиню и командирскую героиню въ
 „Тризна Томбургской“. Тѣмъ не менее Клейеръ со-
 шъ на другой почвъ, тѣмъ Шиллеръ: это — реалистъ
 и предвзвѣдъ характеристическаго пейзажа на высотѣ
 немецкой классической поэзи, вооруженный велики
 ея отъцами и все-таки въ сознательномъ проливора,
 гин съ него. Его реализмъ не имѣетъ такого силъ,
 Какъ Тѣревики въ „Германъ и Дорожа“ или въ рома-
 нѣ „Оземля или ерощево пахуръ“ („Wahlverwandtschaften“):
 это эрелитеръ не въ зиническому, а въ индивидуаль-
 ному. Это подражаетъ природѣ, но не обыкновенной
 дателънцельской, какъ Корфландъ и Коцебу, но приро-
 да въ ея великия явления, даже въ ея крайнiя
 созданила, да ея предталаки, въ колоссальнiя фигу-
 ра въ событiя великаго вымысла. Это раздвинуло зорну
 зрѣнiя молодого Тѣре. (Это любу въ нидерландское изо-
 браженiе догматичъ и другiя подронокей.) Это вiеише
 подходить къ Шекспиру, тѣмъ кро-лидо изъ новыи
 тиль драматиковъ. Но у него болѣе рѣзкiе диссонансы

и больше индуса гармонично. Это не так объективно
и не так много связано с книгой человечества.
Это берет свои образы больше из своего собственного
сердца; но от суждений для него совершенно объек-
тивных. Они сходят перед нами как призраки, гермы
которые с суждением Якоба заставляют нас в
испуганной фантазии и оживлении в воспоминаниях.
Это так далеко доводит объективность и реализм, что
то драмы они совсем сосредоточиваются в изображе-
нии происходящей минуты и держат нас в узком кру-
говороте действий и губящих людей силе,
также какой-нибудь драматический писатель до него.
Это так далеко, так больше отказывается от так
сензитивной, в которых поэты наделяют своих дей-
ствующих лиц сознанием управляющих или
правильных и обычных мыслей. Это отказывается от так
трагических героев, в которых поэты дают своим дей-
ствующим лицам силу даже среди волнений выражает
его красивыми словами. Это берет свои монологи, и часто
также не дает нам заглянуть в душу людей, где бы мы
этого хотели. Его мысли сосредоточены крайнего прозвона.
положительные так душевные драмы, как "Ифигения"
и "Тассо", которых Тэре расширил присутствием
драмы. Клейер нам только ограничил ее и эмиль соб-
ственно повел дальше натурализма "Тэра ф.- Берлинских
лет", от которого однако его отдал много отливает.

Какая же была судьба для немецкой драмы и для Т.ф.-
Клейера, что Тэре не мог так заинтересоваться! Тэре,
как уже знаем, решительно отказался прийти
на Веймарскую сцену "Пензенского". Конечно, второго марта

1808г. во Веймаре была дана пьеса „Разбужден кружика“, но со временем не понравилась; и авторы возбудили в Тёре ужас и озвращение, как утало, прекрасно само, тешное от природы, но поразительное неизмеримой близостью.

Внутренняя связь звать соборин совершенно Яска. Либеральная революция, которую начал сам Тёре своим Тёром ф.-Берлингером, продала уталь, сывоварь, и я возбудилем Клейерь оддатор своим особенным направлением. Но Тёре снова вернулся к классическим традициям, которые некогда разорвали в стьломъ южескомъ порыве; и онъ озвергалъ жемрь то, что не согласовалось с этимъ. Захария Кернерь соглашался с зтими. Клейерь не соглашался и поэтому онъ погибъ.

Какъ мы видимъ, Тенриль ф.-Клейерь не во ветьль пыткарь сходилъ сь романтической школой: онъ не признаетъ красоты безъ меры, онъ не знаетъ романтической проици, но придаетъ такое значеніе религиозному началу и даже въ своей фантастичности суремилъ кь Яемоси и втородности. Но въ одичивъ онъ все еще романтикъ, прежде всего какъ предъ, сывилъ зравль свободной сь одичививъ зтисескимъ содержаниемъ; онъ характерный романтикъ и по своей склонности переселяется всецело въ оудален, миль зноди, преимущественно зноди вторы и гувхва, и по своему отношению къ окружавшей его действительности. Слава Клейера начинается сь 20-х годовъ прошлаго столетія, когда Шликъ издалъ сперва его посмертные сочиненія (Hinterlassene Schriften, Berl. 1821, 2 2b).

поэмы полное собрание сочинений (Gesammelte Schriften, fünf Bde 1826. 3 Bde). О нем см. Bülow: K. von Kleists Leben und Schriften Bde 1848.

Самый популярный романист своего времени это — Барон Фридрих-Террих-Карль де-ла-Мотте-Фукэ 1777 + 1843. Фукэ (Anton Friedrich Keislich Karl de la Motte Fouqué). Друг его Террих-Август, француз по происхождению и генерал прусской службы, пользовался расположением Фридриха Великого. Назначенный во время семилетней войны главным начальником над всеми прусскими войсками в Силезии, он был разбит в 1760 г. Лаудонами и оставил замки: „Mémoires du Baron de la Motte Fouqué“. Писатель Фридрих-Террих-Карль де-ла-Мотте-Фукэ, средневековой рыцарь, оштрафованный в новое время, был внуком зюльшпигельского герцога герцога Терриха и происходил из аристократической португальской фамилии, которая выселилась за Рейн при гонении на протестантов; он родился в 1777 г. в Бранденбурге, воспитывался дома, с детства был расположен к мистическому, готическому поэтическому жанру и пользовался своим стилем в сочинении повестей и драм. Смелый неудачливый авантюрист в Пруссии в борьбе с революционной Францией, молодой Фукэ отказался от материнского влияния в Галльском университете, а определился в 1794 г. корнетом в кирасирский полк герцога Веймарского. Засучи охотничьи штаны и устроившись на чтение огульной литературы и, как уже знаем, уже скоро начал пробовать содействовать стилю. По окончании войны ^{открыл} ^{румя} ~~степился~~, а спустя год разошелся

от жены по соболевской вилле, какъ самъ говоришь
 въ своей автобиографіи. Въ 1802 г. вѣрнѣе сменился
 на вдова Каролина Бокховъ, урожденной Фрэнк-Брисеръ,
 которая позднѣе приобрѣла извѣстность своимъ мно-
 гочисленными романсами и французскими: о немецкомъ
 образованіи, о греческой мифологіи, о жизни природы
 и пр. и пр. Въ юныя еще саковыя году она поселилась
 Рейхартъ, познакомилась съ Тѣзе и Шаммеромъ, и вѣроятно, (1804)
 къ своему великому удовольствію, узнала, что молодое
 кружокъ Шлегели признають въ немъ несомнѣнный
 поэтический талантъ. После этого, поселившись въ шва-
 бин своей жены (которая родилась въ 1773 г., умерла въ
 въ 1831 г.), она оудалась исключительно литературѣ. Во
 время войны за освобожденіе, Франке снова вступила
 въ военную службу, а не была въ 1813 г. поручикомъ
 у вѣрноопредѣляющихъ офицеровъ, а по окончаніи
 войны вѣнела въ службу майоромъ и поселилась
 въ своемъ имѣніи, Немпаудсгау, у Рахенова въ Бран-
 денбургской провинціи, гдѣ и проживала до 1830 г.,
 гдѣ-то и съ болѣеюю чѣстностью занималась лире.
 разурой. Въ 1831 г. Франке, по смерти жены, переехала
 въ Талле, гдѣ жила въ зрѣлѣмъ разѣ, началъ доцентъ,
 съвоая въ университетѣ по новойшей наукѣ и исто-
 ріи поэзіи новаго времени и прожилъ въ немъ около
 десяти лѣтъ. Такъ какъ въ это время имѣнія дала
 поэта идуща плохо, то, наконецъ, въ 1842 г. Фридрихъ
 Вильгельмъ IV призвалъ его въ Берлинъ, чтобы государству
 заслушанный покой его сфарсези. Франке оставила Тал-
 ле и переехала въ Берлинъ, гдѣ и умерла отъ удара
 душе въ 1843 г. Два дня до смерти (21 января) она написала послѣдній

У меня добродѣтели сърыливать, познакомилась въ это время съ Менксендорффомъ,
 "Ziel, ist fast' al: das Ganze ist mir auf, zum auf auf die Zeit mir,
 auf auf was mir das Ganze: fast mir das prägen auf!"

Мужорія нѣм. мюзерауры XVIII и начала XIX.

Первая сочиненія де-ла-Морре Фруке "Dramatische Spiele von Felleguin" (1804 г.) подъ псевдонимомъ Пелле, грима. По этому же изданію А. В. Шлегель признаеть какоу разѣ въ обзорѣ несомнѣнной поэтической талантъ. Подъ знаменитѣйшима псевдонимомъ Фруке перевелъ Куманцило Сервантеса; еще въ 1805 г. появились его "Romane o douinta Boisek, Ballericoi", въ 1806 г. написалъ "Мужорію о рыцарѣ Тамбле и герцогинѣ Брезанской", романъ "Alwin" (Аль, Винн) въ три гасета и тѣскоуко псее. Сначала Фруке занимался сочиненіемъ, почти исключительно, но, одиоу драмъ и трагедій; за тѣмъ принялся за романы — и вскоре сталъ самъ популярнѣйшима романистомъ своего времени. Кроме сказаній о францужескихъ рыцарѣхъ, его еще въ ранней юности увлечены героическія преданія стювера, и теперь, познакоу, жившима съ ними по изочискамъ, оу написалъ драматическую поэму: "Sigrud, der Schlangentödtter, ein Heldenepiel in 6 Aventuren" ("Сигурдъ-змѣеборецъ или: Сигурдъ, ибійца змѣи", Берлина 1808 г.), на котораи въпръ, все высказалъ свое мнѣ; дѣль кракной поэзи екан. димавскима суратъ схвачены въ ней законнадуельно въпръ, хоуа характеры и гувѣрва сильно идеализированы. Тѣмъ же характеризуетъ герой поэмы боуше тѣко, талма мѣуко, словами: "Своу крепкоу, какъ норвѣскаа скала, и бурливѣ, какъ окружающее ее море; у него сродно енталоузи, какъ у соузи лѣвоу, и сродно ума, какъ у пари ослѣвъ". Въ 1810 г. вышла трилогия "Der Held des Nordens" (Герой стювера), содержащая ека, заніе "Индельунгау" въ формѣ преданій Эдда: "Sigrud, der Schlangentödtter" (Эта гасетъ вышла уже въ 1808 г.),

„Sigurd's Rache“ (Мщение Сигурда) и „Aslauga“, это — три отдельных заглавия упомянутой трилогии. Не много позднее Фреке написал два трагедии на немецком языке: „Eginhard und Emma“ (Эгингард и Эмма, 1812.) и „Alwin der Longobardenkönig“ (Альвин, карол Ломбардов, 1812.); на эту тему еще переделку о нем имеет его прозаическая поэма — сказка „Undine“ (Ундина). Эта поэма произведена, в своей „Ундина“, Фреке взял свой лучший аккорд, вновь оживив одну старую немецкую сагу, которую похорошил она нашла у Теофраста Парацельса, очень много провела характеры водяных духов, но совершенно глупо и глупо задачу напечатать только слегка и, где ему было удобно, не раз оставил прозой сказочный тон, как и начал. Действие „Ундина“ происходит в условное время рыцарства, на что указывает начало поэмы:

„Тот, за пьющий и поболь случилось, то в день, весной
Вечер сидеть перед дверью избушки своей презаряв,
Гордый рыцарь и почитивель сего.“ — — —

— — — — — „ишь же,
Скитанкой ишь, был от рыцаря: много на бралов,
Порой конь ишь галли ишь отъ галли и прямо
Къ хвосту ишь приближался. Мандиан алого цвета
Был покрыт его фиолетовый, золотый и ширый,
Средний колер; на бархатных черных березах висел
Был перд; висел у бедра на шее драгоц-ной
Мель сь золотой рукою и искусной работы.“ — — —

Если от всей романтической школы до наших
поэтиков не дойдет ничего кроме Ундина, от

Будущее и настоящее полностью возмозимоется по одному Этому
 произведению создается ясное представление о новой,
 немецкой романтической, о его своеобразии и земных
 сторонах: до того ярко выражены они в Этом
 грациозном вымысле. Здесь и изумительная сила
 фантазии, направленная на воспроизведение того, чего
 никогда не производила природа; здесь и сила гув,
 сьва, направленная до перелома в первоначальном,
 ну гувовидном; здесь и полусознательный песс,
 симизм, презрение к человеку, прикрытие ма,
 лостью к его Этому и к ограниченности его само,
 достояния разума; здесь и обращение к ведической
 «дьяволовидности», фимисерезву и «прилипания» и пре.
 клонение перед «капризами» и сужившими движением,
 мильми души; здесь и попытка охватить «пролету
 народную» и рядовую сь киме признание принци,
 на родовой аристократии; здесь и пылка, но своеобраз,
 ная, не вполне христианская религиозность; здесь и
 невольное сближение двух мидологий, школьно-клас.
 сической и старонемецкой; здесь, наконец, и любовь
 к средним выкаль и претензия на знание или без
 самого знания. И все это выражено в изысканно-из,
 ложественной и заманчивой сказке, сцене козочкой
 Будто сами проследят на музыку и поэти не могут
 быть выражены символично. Правда, здесь много ро,
 мантической иронии, много сближения философии
 и фантазии, крайнего реализма с безпредельными
 спиритуализмом, но произведения, в козочке вы,
 старая Эри черта, или дождики были классическим
 прекрасны, как фразы в Эри - тогда они выходящие за

предельно романтического, или это лирическое губельва
которое продукция антракюдосезуветного рефлекса, в
роде ранней драмы Мика; тогда они не принадле-
жали к области поэзии.

Но, так же или иначе, Фридрих — звезда перла по-
этической сказочной поэзии, переведенный на весь язык,
и на русском языке судосезуветно мастерски воспро-
изведенный в сужах Мухомовского. И не удивительно,
это одна половина двуклика в отношении герцога Бар-
ца с краской на лице призрачалась Тейне, что она
около ордена бы год своей жизни за то, если бы
она только один раз могла познакомиться с автором
Фридриха.

„Сказочворения“ Фридриха Барона де-ла-Козье-
Фруке, написанные до и во время войны 1813¹
года ^{автом поучительна} „Zwischen nicht“ в 1813 г. написанная военная
повесть для добровольцев сэралков: „Brich auf zum
fröhlichen Taged!“ (Фрихо в бесилую погоню) и дру-
гие — „и, Олохити си повест“ далеко усугубили
познавать, как в отношении искренности губельва,
так и в поэтической ордальке.²

Очень понравилась публике большой его роман: „Der Zauberling“ („Волшебное кольцо“ или „Волшебный
персень“, Кюриберга, 3 тома, 1816 г.), который, несмотря
на порядочную пошлость, послужил пред-
ставитель образцов для многих сочинителей романов,
идеализировавших средневековую жизнь и создавав-
ших модное датское течение в 30-х и 40-х
годах. Велась за ним Фруке вынуждены в своем
массе подражать „романским нежория“, как-то: „Die

¹ Gedichte vor und während des Feldzugs 1813 (Берлин, 1814 г.).

² Заглавие Фруке написал романтический по духу „Сотона“ (Шюблин,
Герн, 1814 г.), далее пошло: „Karls des fr. Geburt und Jugendjahre“ (Рождение
и годы молодости Карла Великого), „Beitrag zu Gueselin“ и др.

Barnen Thordulfs des Islanders (Разнообразие Тюрдурсера -
 Меландца, Гамбург 1815 г.)". ^{linguistic studies} (Изучение языка) и др.,
 образе направлений и своеобразия которых они
 сдвигается разнообразием форм: они обр-
 ливаются и в виде романов, повестей, сказок,
 больших и малых поэм, драм, сцен, пьес,
 и в виде географий и пр. Они придали своим романам,
 романами - в противоположность романам
 Виланда, которые оставались в классической древности -
 Фрэнк придали своим романам, в которых привле-
 гены средние века, специфически северного и бланоч,
 сгущенную окраску. Но несмотря все-таки сохраняли нечто
 произвольное; нравы древних времен изображались
 приблизительно и просто ради эффекта, не забывая о
 вторичности. Все-таки много людей в эти произведения
 читали, что называлось, на расхвалу, но, наконец,
 если приходится публиковать.

Во время допетровского в Гамбле зворжесство у Фрэнк
 издало, а вышедшая производительского не слабела,
 кь его произведениях этого ^{периода} вполне приложима
 такая характеристика Тойне: "Романы Фрэнк соединяли
 только из мелочей и драброски; у них нет ни мысли,
 ни разсудка. Это энциклопедия - только картинками или
 скорее пучки с золотыми локонами и четверуцими
 мишками". Средневековий возмущен Фрэнк или все
 больше и больше в разрыве с окружающим его миром;
 они сердятся на младших поколений и думается злобно
 рендециозности; его безумно-старческий выходки верны,
 кажутся настышками, и они держатся уважение соотечествен-
 ников.

своего
1) Мизис (дядя генерала Фуксе

Узороческия сочинения барона де-ла-Корре-Фуксе: „Geschichte der Jungfrau von Orleans“ (Узорочия Орлеан, своей дочки, 2 тома, Берлина 1826 г.); „Leben seines Großvaters des Generals Fouqué“; „Goethe und Dimer seiner Bewunderer. Ein Stück Lebensgeschichte“ (Тяже и адурова нур его почитателей. Тяже биография, Берлина 1840 г.); „Denkschrift über Friedr. Wilh. III. König v. Preussen“¹⁾. Но, ставши узороческия сочинения какъ разъ нур време, ни доженева авзора въ танле; но зомско огна кни, га Фуксе нур злого времени дозройма вичинаид — его авробиография („Lebensgeschichte“, Halle 1840). — ~~Но 1842 г. Фуксе издалъ „Denkschrift über Friedr~~

Лугий нур его поэма: „Сигурдъ-Зимедоревъ“, „Димгардъ и Димла“, „Разговоръ Мидудьора“, „Волшебное ковчежъ“, „Любовь павца“ и, въ особенноеи, „Чудина“. Его многоименный лирическия произведений, въ зомъ чиего и духовный повести, не оуливаются бавшой ори, гиталскоего. Они уезупають поэмаи, какъ въ от. поименіи искренноеи чувствъ, какъ и въ поэтической оудитиго. Но же самое можно сказать о его драма, зическия произведений, изданнико подя загла „Виевъ „Vaterländische Schauspiele“ (Озереувенный театръ; зуръ „Don Carlos“ и н. др.), и ридъ романовъ, не пред. сравняють ниного выдающагося, доде и ивтовиниго въ свое время значительной ценнои. Избраннико сочи. ненид¹⁾ Фуксе, изд. нур самими, заключаютъ въ себя 12 зомовъ (Halle, 1841 г.). —

Совершенно оригинальныи и самобытныи являюу, ся произведений другого романиста, послдидго нур млад. тини романистиковъ по нашему распределению, это —

¹⁾ Записки о Фридрихе Вилгельме III, короле Прусской, Нодд. 1842 г.

Эрнест-Теодор-Анадей (собственно Вилгелм) Тюр. 1776 + 1822.
манн (Hoffmann). Она родилась в Кёнигсберге в
 1776 г.; его мать была очень первая энциклопедистка; отец
 уголовный советник, юрист по профессии, — человек
 очень способный, но до крайности безразличный; родители
 разошлись, когда мальчик ^(Эрнест) было всего 3 года; отец уехал
 из Кёнигсберга, а мать с дочерью переехала к бабушке,
 кн. вдовы с которой жила незадолго до ее смерти и дядя
 будущая поэза; жена, веселая, милая дядюшка, имела
 на мальчика очень благоприятное влияние, которое, впро-
 четь, перешло и на его дядю, человека умного и
 замечательного, но податливого, француза и мусульмана, и в юные
 годы с большою склонностью к сарказму; дядя был
 ученым Анадей, который рано выказал талант спо-
 собности не только к чтению, но и к музыке и живо-
 писанию, так что вся семья смотрела на него, как на
 чудо-ребенка; но большого таланта она рано была
 признана и руководима. Сами мать мальчика поше-
 лила в школу и дала в ней базисные знания, хотя
 и утратила много времени на искусство; она копировала
 книги еще в это время, когда другие только проходили звуки
 и копируют с гравюр. Кончив курс в школе, она
 поступила на юридический факультет Кёнигсбергского уни-
 верситета и, хотя не руководилась к юриспруденции с
 малейшей склонностью, исправно посещала лекции,
 но все остальное время посвящала рисованию и музыке,
 кн. у себя и у друзей. Она влюбилась в дядюшку,
 сходящую на сцену выше его, что она не могла видеть,
 дядя на ее любимой и своей любви, хотя и поше-
 балась взаимностью; таким образом она рано узнала

сердечное горе, но изъ самолюбия скрывала его отъ друзейъ
 подъ маской напускной веселости. 19-ти лѣтъ отъ уза
 (въ 1795 г.) выдержала свой первый экзаменъ и училась
 практическую въ Плоггау, гдѣ слушала другой его дядя;
 въ званіи естественнаго историка она усердно занималась
 ископаемыми и приговаривалась къ второму экзамену, ко-
 торый сдала въ 1798 г. После этого она совершила не,
 большое путешествие по Богеміи и Саксоніи, и въ одномъ
 историкѣ ея было такое удивительное счастье въ изрѣ,
 что потому она всю жизнь своего бодлея брала карманъ
 въ руки, опасаясь, что судьба погребетъ отъ него реван-
 ша. Дядя переехалъ изъ Плоггау на службу въ Берлинъ,
 и за нимъ уза еще переехала и племянника (Амадей),
 получивъ званіе много референдаря - докладчика (въ 1798 г.).
 Въ 1800 г. она блестяще сдала последнее испытаніе,
 ие: елать, готовитъ и получила много ассессора въ
 администраціи, въ Познань, гдѣ была однако разлуче-
 нна жизнь. Широкое государственное поидковъ впер-
 вое приучило его къ неправильной жизни. Тюркманъ
 повсюду приглашалъ, какъ острочувствнаго наблюдателя, оз-
 мотнаго музыканта и заманчиваго каррикатуриста.
 Разъ въ мажорандѣ одиныхъ изъ его друзей, одозвои
 уральскихъ разносчиковъ, раздавала каррикатуры
 Тюркмана присудивающимъ; когда они дошли до поля,
 на кого были направлены, генерала Цасурова, смѣшно
 задозвои, послала объ званіи эсадрезу въ Берлинъ, гдѣ
 уза получила советамъ готови къ подписи указа, на,
 значавшій Тюркмана совозниконъ въ Познань. Дера,
 фреда заставила затомить здохъ указа другимъ, евилав,
 шиль баржара гитовника въ Плоггау совозниконъ

на гораздо худшее место; зато Тюрманн мог бы советами погидисурга за свои каррикатуры на правительственных лицъ; но, къ счастью, онъ въ Познани нашелъ не очень доброй и преданной полкъ, которая считала ея красоту для него сбылку; это обстоятельство стало его на время болѣе „порядочнымъ“ человекомъ: онъ усердно работалъ по должности, много читалъ и, не оставивъ ни музыки, ни живописи, всеступилъ на мизерабурное поприще. Познанъ Тюрманн нашла замѣтилъ въ Варшавѣ, въ 1804 г. именно тамъ онъ переведенъ сътоварищески туда, гдѣ писалъ музыку и карикатуры. Въ Варшавѣ онъ сошелся съ Тудингомъ, своимъ будущимъ биографомъ, и черезъ него познакомился съ Захаріей Вернеромъ, съ которымъ мы уже познакомились. Добросовѣстно исполняя свои обязанности по службе, Тюрманн болѣе, чѣмъ когда-нибудь, занялся музыкой и учредилъ музыкальное общество, дававшее концерты подъ его управленіемъ и давшее приобрести собственное покое, щеніе, зато котораго самъ же Тюрманн украсилъ своей живописью. Вскорѣ поелъ Гессекаго еразменія французы упразднили правительство въ Варшавѣ, все прусскіе чиновники тамъ были уволены отъ службы. Тюрманн отослалъ семью въ Познань, а самъ переехалъ въ Варшавскую канцелярію, гдѣ вскорѣ занялъ нервную гордою. Справившись, онъ потахалъ въ Берлинъ съ порцеланомъ, бижутеріей, парфюмеріей и сочиненіями, нѣмцы и въ оперѣ, съ намереніемъ отдаваться всецѣло искусству; но онъ не нашла тамъ ни общества своего произведенія, ни уроковъ и оказался безъ работы въ карманѣ. Наконецъ въ 1808 г. ему удалось получить

моего государственного канцелярера в Бамберге; но
 антрепренеръ скоро разорился, а его предшуровъ,
 вздвигше въ свои руки управление театромъ, вели
 дело до того плохо, что Гофманъ принужденъ былъ
 бросить моего и поробивался частивки уроками и
 музыкальными скарбами. Въ Бамберге отъ меня
 до 1813 г. Въ 1810 г. Толстбейнъ, одинъ старый знакомый
 нашего поэта, взялся возстановить Бамбергскій театръ.
 Гофманъ помогалъ ему, работая какъ котлопозиторъ, дири-
 жеръ, декораторъ, машинщикъ, предшуроръ и начальникомъ
 репертуара: на все являло его способности и кипучей
 деятельность; дело прекрасно пошло въ ходъ; но черезъ
 два года Толстбейнъ отказался отъ антрепренерства, и театръ
 закрылся. Гофманъ снова началъ бюджетоваръ; 26 ноября
 1812 г. онъ пишетъ въ своемъ дневнике: „продать евр.
 языкъ, чтобъ пообтѣдартъ“. А ему еще приходилое кор-
 мить женту и ребенка! Въ начала 1813 г. дѣла его пошли
 лучше: онъ получилъ маленькое наследство и предло-
 жение занять моего канцелярера въ ардустигескомъ
 доварницесствѣ „Secunda“ въ Дрезденѣ. 21 апреля онъ по-
 кипуче Бамбергъ оталъ съ болшею охотой, что сделала
 счастье отъ любви къ одной своей ученицѣ, и поехала
 въ Дрезденъ, замѣрой тогда русскимъ. Не найдя друзей
 въ Дрезденѣ, онъ поехала за ней въ Лейпцигъ, откуда
 черезъ 4 недѣли выехала съ группою („Secunda“) верну-
 ся отъ въ Дрезденъ. Во время одного изъ эхидъ пере-
 ѣздовъ по дорогамъ, переполненнымъ войсками, дѣли,
 мансѣ, гдѣ сидѣли Гофманъ съ семействомъ, опрокинувся,
 одна изъ пассажировъ убилась до смерти, а жена Гоф-
 мана получила серьезную рану въ голову и была пог.

нзря замерзла, но сравнительно скоро оправилась.
 Срашские дни августовского Турмака пере-
 шли в Дрезден, занятой музыкальниками и поэ-
 тическими какпозициями. Турмак несправа на
 себя весь утасов войны: перешли и бомбардировку,
 и голода, и радъ чужбы; обходили и поле сражений; и
 при всемъ этомъ они были бодры духовно и даже веселы,
 какъ никогда; но скоро они потеряли много членовъ,
 лейнера, въ 1814 г. перешли в Берлинъ, гдѣ по
 мущью своего друга Титца снова поступилъ въ
 прусскую грандакскую службу. Въ 1816 г. онъ заня-
 мал должность советника при камерномъ судѣ,
 гдѣ занималъ въ законѣ не званіи своего баршав-
 скаго друга Титца, который познакомилъ его съ
 Фуксе, Шамиссо и другими берлинскими литер-
 зорами и художниками. Служба вполне обезне-
 чивала Турмака и при этомъ оставляла ему много
 досугу, такъ что его зворжескій талантъ могъ развернуть,
 съ женью во всей силѣ. Въ сошналтннн, первый по-
 зрженіи, мнѣ испозаконнн, и привычка къ неправиль-
 ной жизни, не сломившая его энергичной натуры,
 дурно озвчалась на немъ въ этомъ отношеніи, что
 вынудили ему грезиторную утваренноерь въ себя, и
 онъ, что называется, сталъ мечь свѣту жизни съ
 обоннн концовъ. Узрннн два раза въ недѣлю Турф-
 маннн озправлялся на службу, гдѣ чернн и актрн,
 разнн исполнялъ свои обязанности; а озральное
 время онъ проводилъ, какъ холостнн. Разъ въ недѣлю
 по вечерамъ къ нему собиралась прнзлнн-литера-
 зора и художники, созавлявшіе кружокъ, названный

Сранияновскими по имени свядого, которого знева
 Тюрманна оуискала въ своемъ польскомъ календаре въ
 году днѣ, когда красники задумали придаѣть своимъ со-
 браженію правдымъ; въ кружкѣ издался новыя им
 вновь оудаланныя повѣсти Тюрманна и другія, и оубо,
 издался художественные вопросы. Но Тюрманна не мого
 доволствоваться заимать скроуныныя и радкныя развѣ,
 ченныя: ненавидѣа римныя „райныя“ одиссея, отъ про-
 водило болыиуа часъ вечеровъ, а часо и ноги напро-
 сѣвъ въ выиномъ погребѣ, гдѣ около него всегда
 собиралася веселая компанія; заимъ пѣли, пили
 (Тюрманна часо - огенъ пѣльного, зомско для рога, чюоба
 „монтировавъ себѣ“), болтали о серьезномъ и о пурѣ-
 кахъ, иногда шумили стогри и цураивали ведскія
 „чертовскія“ шурки (Тейфельсриек): выдывали приви-
 стонія и пр. Часо въ компаніи присоединилася
 притязаніе, которое звелили видоуа знаменитого
 Тюрманна и слышавъ его оураулинуа бестоду. Разуро-
 авъ себѣ выиомъ и безсонницей нерви, Тюрманна при-
 ходилъ дома и садилася пѣсать. Ушасы, создаваемые
 его воображеніемъ, говорили, часо пугали его самого;
 тогда отъ будили знену, и преданная оисонизма
 садилася съ чулкомъ около его тешеннаго срома.
 А въ назначенный часъ, если это бываеа служенныи
 днѣ, Тюрманна ушасъ сидѣть въ палатѣ и рабозавѣ,
 какъ лучишій изъ чиновниковъ, такъ что черезъ шею
 могоуа получили значительное повышение въ аинеллѣ,
 цюиномъ севара. Въ неслуженныя дни отъ вознагра-
 издалъ себѣ стоимъ среди днѣ. Блну еще далеко не было
 50 могоуа, а шизненныи силы его были ушасъ советомъ

надорванна; члены его жила одним за другими оуказа, балнет слушать ему, и у него стало развиваться нечто въ родѣ сухотки спиннаго мозга; скоро онъ слегъ въ постель, чтобы больше не вставать. Силою воли Гофманъ побъждалъ себя въ уснастой суррадин, шурить и, когда правая рука его перескала дъисуровавъ, дикровавъ свои послѣднйя произведенйя, въ которыя не видно слѣда какой-либо особой болъзненности. Гофманъ не зналъ о безнадежности своего положенйя и говорилъ Турцину, что поелъ въздоробленйя онъ намоторенъ совершенно излѣтитъ образъ жизни. Когда параличь доурихъ мен, боли прекратилсь, и Гофманъ ситжалъ себя вилъочав, шилед, но на слѣдующйя денъ 25 июня 1822. онъ умеръ. Разрѣженіе спиннаго мозга, сухотка и пара, лишь верхнйя и нижнйя конечности свели его въ раннюю могилу.

Гофманъ былъ невысокаго роста, но широко въ плечахъ; его лобъ наполовину заросъ волосами; его большіе глаза въ минуту бдѣтельности такъ блестяли, что жаль, что не зналъ его благодушйя и неробйя, зталовое сраимо въ его присудствйи.

Очень рано Гофманъ началъ писать. Дуже сурденъ, зомъ онъ сочинилъ зрѣвъ-романъ Согначо; но не имѣлъ для него издаденъ. Будучи въ должино, сри въ Пломъ онъ мохъ зомъ публично высудитъ на издѣраурное поприще. Онъ попысрмилъ шкенно зенеръ въ журналъ Коцебу (Freitzeit - Озиробенный-Мекремий) ироническую критику на попырку вваси въ драму зрѣвнйя Коръ безъ музыки, а когда зур, наль назначилъ премію за лучшую комедію, Гоф-

+) Между ними (в 1817 г.): „Крейслериану“, в которой сумасшедшего музыканта Крейсера заставляешь высказываться совершенно здравым судением о музыке, объединяя популярно значение произведений: Баха, Глюка, Берговена и Моцарта.

926.

Мать написала пьесу „Im Fingel“ („Крейсид“); премий она не получила, но комедия его в чтении понравилась очень многим.

Позднее Тюрингине начала писать романтическую оперу „Ундина“ на заказ Франке, собрала свои прежние музыкально-поэтические очерки, написала ньюсваггеновскую повесть и очень удачную пьесу[†] и пригласила к началу рода сборника своих произведений, под названием: *Phantasiestücke in Callot's manier. Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Enthusiasten. 4 Bde. Bamberg 1814-1815* („Французские очерки по манере Карло —“). — III-й томик создала из одной сказки: „Запокой горшок“ („Nimm vom goldnen Topf“), наиболее характерного из произведений Тюрингине, полное дружество раскрывающего его profession de foi: „Jacques Callot, франко-швейцарско-лозарингенский еудоситимик, родился в Хансе в 1592 г., 12 марта встал из дому родильского с тайной цыгань, пришел с ними во Франкфурт и поступил в ученье к одному шивонису. Возвратившись домой, он вступил в брак и снова был возвращен. Когда ему было 17 лет, родители отпустили его добровольно в Италию, где он и выучился гравировать. 30 лет он прожил в Италии, где он был знаменитостью. Он умер в 1635 г.“ — Модильони родил Карло — гротеска и французский юмор; на изображении сватовства гудовица, Курбазовых фигур и сценочек он одобрял от заказчиков работа: сраме, ний, осадь и пр. Одна из модильонных его работ — искусство св. Антонид. — Мать-Полс нашла в Тюрингии сродный себя галаму, написала предисловие к 7-му

† Эта сказка переведена по-русски в моем „Надпись“ за 1839 г.

южку французских острок (Tunturpi, Ruika), и курса
интара значительной частью. +

Прозведения Тоорнама (сестро ситдуроза одно за дру.
зилье. — Въ 1815 г. выходяща, Die Blisliere des Teufels. Huf.
yub. Vana Ruginova hat Einigkeit Medardus, sinna Capuziners.
Zwornitzgebau von dem Schriftfuer das Tunturpi Ruika in
Callot's Manier. 2 Bde. Berlin 1815, 16 (Террора Меркура.
Букари оравидея посли ^{сестры} брака Медарда канузира). Это
цельный роман, но зато канонический романъ Моуса:
«Монахи», излагательный некроисо унааснаго преступленія въ
одномъ старомъ замкѣ въ северной Термании съ
такими же унаасами, но съ несравненно болшею
глубиною мысли, реалъноеисо ообразова и съ блескати
романскаго почора.

Въ 1817 г. выходяща 2 южка «Nachtstücke» зуб. von
dem Schriftfuer das Tunturpi Ruika in Callot's Manier. Berlin 1817
(Ночныя Повѣсти; Берлина 1817 г.) — рядъ болше или менше
сзрашкелью разказава о прибудовидиель, двоимискелью,
унааселью удивелья и пр.; (Зуберъ Epil: 1) Das Sundmann.
2) Egnaz Demmes. 3) Die Jesuitenkirche in J. — переводена на
русский яз. въ «Моек. Вѣстн.» за 1830 г. — 4) Das Sanctus.
Zwornitz Epil: 1) Das öde Haus. 2) Das Majorat. 3) Das Gelübde (Обязованіе).
4) Das steinene Herz.) — изъ числа лучшихъ сзрашкелью
«Майорада»; излагательный некроисо унааснаго преступленія
въ одномъ старомъ замкѣ въ северной Термании.

Между 1816 и 1819 гг. и позднее въ журналелью и
сборникелью выходяща рядъ повѣстей и сказокъ Тоор.
манна, болшая часть изъ которыхъ вошла позднее въ собр.
никъ «Серапионовелья Брауелью» (= Die Serapiens-Brüder).
Здѣсь издрогелью рядъ также озрашкелью разказава.

и сказочные (^{Formica} *Amicus Martin von Jüfers und seine Gafel, lan, "Doge und Dogaresa", "Das Fräulein von Seiderg", "Sig. nor Formica" и др.*)

Въ 1819г. — Uebnahme Leiden eines Theater-Directors.
 Das mündliche Tradition mitgetheilt von Hofrath etc.
 (удивительная сценка одного директора театра.
 Изъ чернаго преданія —), въ основѣ или рѣчь франк.
 Zove изъ французскаго Толстедина въ Бамбергъ.

Въ томъ же году — Klein Zaches grünet Zinnover. ein
 Wäinlein (Крошка Захесъ, прозванный Кинобартъ), одна изъ
 лучшихъ сказокъ Тюркмана, которая произвела большаго
 фурора, такъ какъ въ ея герое усмотрѣли одного
 изъ великаго Берлинеца, котораго долго чтили свѣтъ
 его дозволенья. На русскій языкъ переведена въ „Отеч.
 Зап.“ за 1844г.

Въ 1819—1821гг. выходило 4 тома уже упомянутыя
 „Serapionowitsch Bräusevi“. Сборники рассказовъ и
 сказокъ (^{de} *Teufels-Brüder, Fährten der Feindlinge und*
Wäinlein); кромѣ общепозволенныхъ двадцати повестей
 и сказокъ въ разговорной, браусевъ заключаетъ много
 тесно малкихъ рассказовъ, болше или менше раз.
 выданы, до сражений, до прогнанныхъ, и таско очень
 истинныхъ по своему позитивному дозволенью. Сюжеты,
 видъ Тюркмана о Тере, Шиллеръ, Байеръ-Скоуръ,
 Байронъ заключаютъ томъ и остроты; рѣчь
 относительно и немецкихъ романзиковъ (напр. Вер.
 пера) она оказывается несколько призрачными.
 Довольно рѣдка самокривка авторъ — образцы
 пресловутаго рефлексъ романзиковъ. Сборники
 составлены по примѣру „Phantasia“ Шиде, Серани,

оповести "Бразья" на русский яз. переведены два раза; во-
рой разъ Герделавъ и Соколовскивъ въ 4 тт. (Спб.
1823-1824).

Въ 1820-1822 гг. "L'Avant-Propos des Fables
de M. de Fontenelle Biographie des Fables",
par M. de Fontenelle in zufälligen Makulaturblättern".
I. B. Berl. 1820. II. B. Berl. 1822 (Музыкальная воззрѣнія
коза Мурра въсвѣтъ съ фрагментарной Биографіей
Капельмейстера Иоханна Крейсера въ случаѣ со-
братившагося макулатурнаго пожара). Полночлѣннымъ
Капельмейстеръ Крейсера; олицетвореніе которму,
чесскаго, и поэта, было уже близко знакома извѣдана
Тофманъ изъ его французскихъ очерковъ ("Крейсе-
риана"), гдѣ авторъ его (Крейсера) услали излагати
свои музыкальн. воззрѣнія. Здѣсь Тофманъ раз-
сказываетъ его Биографію въ перемѣску съ замѣсками
коза, обривая то то, то другое на поученіе, будто
владѣніе рукографіею ошудки. Французскій, здо-
ровый эгоизмъ коза и болтливый вначалии французскаго
фаворита-дережника, прозвучающаго здѣсь другъ другу,
производитъ совершенно оригинальный эффектъ; сами
Тофманъ признаетъ "Коза Мурра" лучшимъ изъ своихъ
произведеній. За существующими двумя томами должи-
ты были слѣдовать еще два, гдѣ разогарованія Крейс-
ера доводили его до сумасшествія. — На русскомъ яз.
переведена Н. Крезеровъ и издана Песочниковъ въ 4
книжечкахъ въ 1840 г.

Въ 1821 г. "Prinzessin Brambilla. Ein Capriccio
von Jacob Callot. Breslau" (Принцесса Брамбилла:
Капризная тѣса по манеру Якова Калло. Бреславль) —

несудят, замученная история из жизни иранцев, скиты комедиантов, разрабатывающая вопросы о связи юмора с францазией. Тюркманов были в год, появились во ней оригинальности граверов Кал, но, который отъ недавно получили въ подарок.

Въ 1822 г. Meister Floh fin Wäinfern in Pöben Avian. (имени зюмне Финдт), Кензеръ Фло, сказка въ семи приключеніяхъ двухъ друзей) — чрезвычайно острокончат по замыслу и богата по содержанию фантасматическая повесть, гдѣ, между прочимъ, разрабатывается вопросъ о различіи между земной любовью и влюбленностью, прозвучивающая жизни балльной кокетки и скромной „семейственной“ дѣвушки и превосходно обрисованы вѣтхивъ ребѣ, покъ душею, гудакъ и идеалистъ Пегеррингеръ Плимъ, который такъ восхищается Дружининъ. — На русскій яз. переведена въ „Отеч. Зап.“ за 1840 г.

Между Серапионовкии Браздыни и Кензеровки Фло, послѣднимъ произведеніемъ Тюркмана, намекаемъ при его жизни, отъ появились въ журналѣхъ и альманахѣхъ рядъ небольшихъ разсказовъ. Въ 1873 г. начало выходить на русскомъ яз. „Полное собраніе сочиненій Тюркмана“ подъ редакціей Н. В. Тербеля и Соколовскаго, но озаглавлено на первой серіи разсказовъ „Серапионовы Бразды.“

Тюркманъ шире вѣдѣхъ другія романзиковъ воспользовался стѣшеніемъ гайсбургской и сказки, прозаической будничной жизни и фантасматическаго міра призраковъ. Онъ замечательно могивъ у Шана Коля, Пика, Арнима, Генриха фонъ.

и ласкает самоотвратительную соломенную куклу,
думая, что обнимает королевскую невесту;
эксперименты — это оубраженное нарушение бо,
несуеверного существования, дыхание козорого вверху намы
во природе... Мы узнаем духа, козорому сима,
физиология натур-философия...?

Если бы зюльско направлением и богачество фран.
язык далим поэта, Тюрмань был бы первым по,
этом в мире. Все, что создано ветхательной
возрох, все, до чего доработалось изначное и живое,
радостное зворнество Треков и брачно наедренное
воображение Рихлянов, все неисчерпаемое, подвижно,
ну, богачество средневекового Олимпа, насколько
отны были извещены во то время, все это суматам
усвоить и переработать Тюрмань, и все это отны
силь в одно гармоническое целое, во ориги,
нальнуо эсезуко-философскую мифологию, при
помощи безконечно разнообразных продуктова
собезвенной капризной фантазии, иногда брачной,
как у Аркина и др. романзиков, но чаще тра,
циозно веселой и шаловливо настымливой.
Недовольный миром существованием, Тюрмань
создает свой собезвенный мир, несурой и разно,
образный, мир с особой правезвенностью, с осо,
бой наукой, с особыми социальными законами.
«Великий фантазер» и сказочник самь длаеря
сказочной фигурой: как в сказках зорь Ивань
Царевича, козорому Роцей велиерь похруч в
одну ночь дворець, отны, при помощи своей возлюб,
ленной — фантазии, зворить нечто недывалое по

И наконец явился адмирал изъ величайшихъ герман-
скихъ поэтовъ — Тюрнама въ своихъ двухъ сказкахъ:
«Мензвотское дитя» и «Шалкунъ Ортокова и Царь
Швейцарии», хотя и написанныя не для дитяго соображен-
но и годныя для людей всякаго возраста. Ни,
сколько не удивительно, что суранный, принудимый,
внѣ и французскій свѣтъ Тюрнама исполнилъ,
едва до ея ереры дитяго жизни: въ немъ столько
жизни много дитяго, младенческаго, просоудимаго,
и ниско не было зрѣло, какъ онъ, способенъ гово-
рить съ дитяго и дѣтскими поэтическими и дозрѣ-
вшими для ниса. Сверхъ того, Тюрнама едет по пре-
мудрости воспитателя людей, поэты юности —
почему бы ему не быть и поэтомъ дитяго? Да, ед-
ва жь поръ, какъ дитяго начинающаго пересказывать бытъ
дитяго и срановѣдъ юности, Тюрнама долженъ
бытъ ниса поэтомъ по премудрости. Тюрнама —
поэты французскій, гимнуетъ невидимаго
внутренняго мира, ясновидецъ таинственныхъ силъ
природы и дитяго. Французское едет предубѣвие
жизни, прозрѣвательной полноты юности,
люди разсудочной ясности и определенности, козю,
радъ въ жизни видѣть таинственнаго, индѣстриаль,
юности или саяннй обидѣ едъ зрѣлѣнн и таиннн,
скитнн. Французское едет адмиръ изъ необходи-
мыхъ элементовъ богатой природы, для которой
счастье зрѣло въ внутренней жизни; следовательно,
его развитие необходимо для юной души, — и вотъ
почему называемъ мы Тюрнама воспитателемъ юности,
исева. Но онъ высеетъ едъ зрѣло бывать и гудать

его, односторонне увлекая его въ сферу призраковъ и мечтаний и отрывая отъ жизни и полной действительности. Чтобы дать точной душе равновесие, Гофману не должно прозрительно наблюдать пошлую повесть, дневное и въ днюшечные представления; но можно было бы должно читать все безъ исключения, и въ романы В. Скотта и Купера, которые по светлоте и широкому взгляду на жизнь... заслуживаютъ название предсказателей разумной действительности.

Для немцевъ Гофманъ есть ли не великое великое событие романтической эпохи, вѣдь взгляды Крьюгеские взгляды Шлегелей давно забыты; чье, не Фрихте и Шеллингъ теперь интересуютъ только спеціалистовъ; Шика, Арника и др. вышедшихъ средний читатель знаетъ только по тому, что мада книги остротой издана въ Гейме. Понятно почему Гофманъ извѣстенъ всей читающей Европѣ близко и непосредственно; не будь его, мы знали бы о немъ, только романтической школы некого больше того, что знаютъ и Николая Силезкины. Такъ А. Кур. писателей въ своемъ „Очеркѣ истории литературы XIX столѣтія“.

Если Гофманъ, какъ утверждаютъ, мало вліялъ на немецкую литературу непосредственно, то отъ вдохновителей французовъ и англичанъ, которые, въ свою очередь, оказали и оказываютъ вліяніе на немцевъ.

Гофманъ — самый законченный романтикъ, если можно такъ выразиться, самый классическій изъ романтиковъ; не раздвигая границъ крайнихъ

возвращений, у которых не было будущего, — тогда, напр., отъ оркнот не преклоняется передъ какою, изумления и паного, и, сродъ ненавистный осно. Везде, где школа, востъ реформации ползуеетъ его полной симпатией, — отъ реализирова, осущес, влвехъ го, что у гдѣ носилое зомско въ идею.

Такъ самооднѣлное создание совѣстнаго мира Тюрмановъ есть самое наглядное осущесствление идеальной философии Филле и эстетической теории Новасиса и Шлегеля о Божественности зворне, ескоу французия. Или еще приморъ: антинатія къ „просвощенію“ у другихъ романциковъ есть слу, гайнот, преходящій похвотъ, обьенженій вре, менной реакціей прохвотъ „просвощенія“ XVIII вѣка. Тѣ же антинатія у Тюрмана осмыслена въ вѣковотому Боуду свободнаго чухвѣа и сер, денности прохвотъ самооднѣлнаго изумларизма и холодной разсудотности, и эту антинатію съ Тюр, мановъ раздѣляютъ люди сороковотъ и пѣтуде, свдуть годовъ прошлаго зворне, напр., англичанотъ Диккенса и русскій Толстотскій, которотъ никакъ не заодозривъ въ обскуранцизмотъ.

Коротке сказавъ, Тюрмановъ подводивъ въ своей год, денности много пылеукому романцизму, въ виду чего бы и елихавъ необходимотъ осановивъ на его мирозерцатіи и идее всего опредѣлать, вѣдь именно ему не правитъ реальній миръ? Это вѣдѣе съ гдѣа и раздѣлнотъ тѣа, за что пылеукомъ замъ несправедливотъ къ своему зомноту, зому соотененноту.

Медерия как. температуры XVIII и начала XIX ст.

Самое независимое для Тюрмана понятие, самое позорное слово во устах всякого, «Серапионовы глаза» — фримерерство — у Тюрмана понятие очень широкое: во него заключаются и самодовольная пошлость, и чудовищная жадность, и эгоизм, и зрч. быт материализма, и все шибеллирическое фрор. материализм, и скука, убивающая всякую душевную жизнь и превращающая человека во машину, и педантизм, доходящий до того, что человек когда, не и выходящая и предположение делается по книге Тломазеуса!

Фримерер родился во законном браке, отец „порядочный“ родивший, получает „приличное“ воспитание и образование, т.е. кричащая подавляет всякое естественное душевное движение, и думает, что при, кашу и что пришло; во школе без разсудения возбуждается масса неинтересных и немудрых фактов, знаменит позорить отец однако-же преклонного гордится, получает установленный диплом и спешит создавать себе карьеру. Удавая дано молодости, отец может иногда и курить, но во коротенькой одиссее и приличных развлечений; во установленном возрасте отец выходящая, но и во любви не удается никуда, скучить выгода. Утроив свои дела, отец усиливает и плодотворно закинуть все фримереровы, как отец сам. Отец усердно слушает, или зорится; но никогда не увлекается делом из-за дела, а только из-за личной выгоды; отец и развлекается и поощряется искусства и науку, но не во вынужденному увлечению, а из приливия, из-за того, чтобы отец людей не отстает.

1) Christian Thomasius (1655—1728), современник Лейбница, написал, между прочим, „Discours, welcher der Fall sein Dittin Bonifacii im Criminali Libani im Anno 1697. 1698. 1699. 1700. 1701. 1702.“ Отец и первый канал во учебной реформе всего латинского преподавания в Германии. Отец был юрист — профессор.